

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)»
Институт открытого и дистанционного образования
Кафедра «Современные образовательные технологии»

РАБОТА ПРОВЕРЕНА
Рецензент судья 18ААС

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой

_____ Л.В. Забутырина
_____ 20__ г.

_____ А.В. Прохоров
_____ 20__ г.

Виды недействительных сделок и правовые последствия признания их
недействительными по гражданскому законодательству Российской
Федерации

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.04.01.2020.11465. ВКР

Руководитель работы
доцент кафедры СОТ
_____ Е.В. Пинская
_____ 2020 г.

Автор работы
студент группы ДО–394
_____ А.П. Романовская
_____ 2020 г.

Нормоконтролер
ст. преподаватель кафедры СОТ
_____ Е.Н. Бородина
_____ 2020 г.

Челябинск 2020

АННОТАЦИЯ

Романовская А.П. Виды недействительных сделок и правовые последствия признания их недействительными по гражданскому законодательству Российской Федерации. – Челябинск: ЮУрГУ, 2020, ДО –394, 85 с., библиогр. список – 60 наим., 14 л. плакатов ф. А4.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в результате и в процессе признания сделки недействительной.

Цель работы – изучить проблемы недействительности сделки, в том числе типы недействительных сделок, форму и ситуацию их применения.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- выяснить понятие и значение недействительности сделки;
- раскрыть основания ничтожности и оспоримости сделок;
- исследовать юридические последствия недействительности сделок.

Выпускная квалификационная работа представляет собой комплексное монографическое исследование института недействительности сделок с использованием положений теории права и гражданского права и существующих правоохранительных практик, направленных на выявление недостатков правовых регулирование вопросов недействительности сделок и разработка предложений и рекомендаций по совершенствованию гражданского законодательства и судебной практики в этой области. В работе обоснованы и представлены для защиты несколько актуальных предложений по совершенствованию правовых норм института недействительности сделок и дальнейшего теоретического развития рассматриваемых проблем.

Результаты работы имеют практическую значимость, содержат выводы, практические рекомендации и предложения автора по совершенствованию норм гражданского права, касающихся недействительных сделок и правовых последствий признания их недействительными по гражданскому законодательству Российской Федерации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК	9
1.1 Соотношение понятий недействительная сделка, юридический факт и сделка.....	9
1.2 Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые и проблемы установления факта ничтожности сделки	15
1.3 Последствия недействительности сделок.....	22
2 НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЗАКОНУ ИЛИ ИНЫМ ПРАВОВЫМ АКТАМ, И СОВЕРШЕННЫХ С ЦЕЛЬЮ, ПРОТИВНОЙ ОСНОВАМ ПРАВОПОРЯДКА ИЛИ НРАВСТВЕННОСТИ.....	34
2.1 Вопросы практики применения ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации	35
2.2 Проблемы гражданско-правового регулирования недействительности сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка или нравственности.....	39
3 НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК С ПОРОКАМИ ВОЛИ	46
3.1 Сделки, совершенные лицом, не способным понимать значение своих действий или руководить ими.....	46
3.2 Сделки, совершенные под влиянием заблуждения.....	55
3.3 Сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	79
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	84

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В системе гражданского права институт сделок традиционно занимает центральное место. Сделки считаются основной правовой формой, в которой исполняется обмен среди участников гражданского оборота. И в этом отношении особую значимость имеют требования, предъявляемые законом к действительности сделок. Гражданский кодекс Российской Федерации в главе о сделках, наряду с их понятием, видами и формой, придает значение также последствиям признания их как недействительными. В новых экономических условиях часто возникают ранее неизвестные составы недействительных сделок. Они определяются в изменении форм собственности, проведении приватизации, в области земельных отношений. Недействительные сделки – одна из наиболее актуальных проблем науки современного гражданского права. Причина в том, что сделки играют в механизмах взаимодействия общества основную значимость. Недействительные сделки уменьшают стабильность гражданского оборота и разрушают силу экономических связей, а действия, совершаемые в форме сделок, не обладают качествами юридического факта, которые могут привести к ожидаемым субъектами результатам.

Данное обозначает, что права и обязательства, вытекающие из сделки, не возникают, а наступают юридические последствия, предусмотренные законодательством, которые считаются неблагоприятными для участников сделки и являются санкцией за нарушение.

Тема исследования актуальна, потому что каждый человек в течение своей жизни совершает различные виды сделок: от мелких бытовых до более серьезных. Сделки – это законные средства, с помощью которых социально и экономически независимые и равные организации устанавливают свои обязанности и права, то есть законные пределы свободы поведения. Сделки играют многогранную значимость в общественной жизни.

Степень научной разработанности проблемы. В исследовании данной проблемы были задействованы труды Абрамова Е.Н., Аверченко Н.Н., Агаркова М.М., Байгушева Ю.В., Брагинского М.И., Вавина Н.Г., Витрянского В.В., Иоффе О.С., Кондракова И.А., Красавчикова О.А., Новицкого И.Б., Перетерского И.С., Прилуцкой М.З., Рабинович Н.В., Садикова О.П., Сергеева А.П., Хейфеца Ф.С., Шахматова В.П. и др.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в результате и в процессе признания сделки недействительной.

Предметом диссертационного исследования являются нормы гражданского законодательства в их историческом формировании, регулирующие проблемные вопросы недействительности сделок, а также анализ имеющейся практики применения этих норм и возможность улучшения института недействительности сделок.

Цель работы – изучить проблемы недействительности сделки, в том числе типы недействительных сделок, форму и ситуацию их применения.

Для достижения этой цели решаются следующие **задачи**:

- выяснить понятие и значение недействительности сделки;
- раскрыть основания ничтожности и оспоримости сделок;
- исследовать юридические последствия недействительности сделок.

Методология. В данной работе были использованы следующие методы.

1. Метод классификации использовался для изучения видов недействительных сделок.
2. Метод анализа использовался для изучения особенностей сделок.
3. Для характеристики судебной практики использовались методы сравнения и описания нормативной базы.

Теоретической основой диссертационного исследования являются работы отечественных и зарубежных юристов, которые содержат исследования проблем гражданского регулирования недействительности сделок, а также работы по общей теории права.

Эмпирической базой исследования являются материалы судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации по делам о недействительности сделок.

Научная новизна диссертации заключается в том, что эта работа представляет собой комплексное монографическое исследование института недействительности сделок с использованием положений теории права и гражданского права и существующих правоохранительных практик, направленных на выявление недостатков правового регулирования вопросов недействительности сделок и разработка предложений и рекомендаций по совершенствованию гражданского законодательства и судебной практики в этой области. В работе обоснованы и представлены для защиты несколько актуальных предложений по совершенствованию правовых норм института недействительности сделок и дальнейшего теоретического развития рассматриваемых проблем.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные в процессе исследования результаты и основанные на них теоретические выводы пополняют потенциал науки гражданского права и могут повлиять на процесс видоизменения и совершенствования отдельных норм и положений гражданского законодательства.

Практическая значимость работы заключается в возможности результатов исследования состоит в возможности их использования при подготовке новых и совершенствовании действующих нормативно-правовых актов, регулирующих обязательства, возникающие вследствие признания сделок недействительными.

По содержанию работы состоит из введения, одной главы, заключения и списка использованной литературы.

1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК

1.1 Соотношение понятий недействительная сделка, юридический факт и сделка

В российском сообществе ученых цивилистов нет единого мнения относительно понятия недействительности сделок. Споры ведутся вокруг недействительной сделки как юридического факта или сделки в особенности правомерное или неправомерное действие недействительная сделка; соотношение понятий недействительной и незаключенной сделки.

Для всеобъемлющего понимания данного института нельзя обойтись без понятия сделки. Легальное понятие сделки дается в статье 153 ГК РФ, согласно которому сделкой будет признаваться действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Недействительная же сделка – это сделка, которая не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью (ст. 167 ГК РФ).

Является ли недействительная сделка юридическим фактом? И как соотносятся недействительная сделка с понятием «сделки»? Таким вопросом задавались многие ученые в своих работах. С.Ф. Кечекьян указывал: «широко употребляется (и в законе, и в практике) выражение «недействительная сделка», хотя недействительная сделка не вызывает правовых последствий и, следовательно, не может быть отнесена к числу юридических действий [23, с. 784]. Следовало бы, по-видимому, если быть точным, относить к числу сделок лишь «действительные сделки». Это и имеется в виду, когда говорится просто о сделке».

Имело место и противоположное мнение Гамборова Ю.С. «недействительные сделки тем не менее являются сделками, так как «и вполне недействительные (ничтожные) сделки вызывают часто ответственность за убытки и уже поэтому не могут быть отнесены к фактам, не имеющим юридического бытия» [23, с. 784].

Наш современник О.В. Гутников разграничивает понятие сделки юридического факта и сделки-правоотношения при определении «недействительности». «Когда говорят о недействительности сделки, должна иметься в виду недействительность (отрицание) сделки-правоотношения, то есть недействительность (отрицание) тех прав и обязанностей, которые должны были наступить из сделки, но в силу определенных оснований не наступили.

Таким образом, речь идет не об отрицании сделки – юридического факта, а об отрицании сделки – правоотношения».

Изучив все вышеперечисленные положения, можно согласиться с мнением Гутникова, что следует проводить различие между недействительными сделками как правоотношениями и недействительными сделками как юридическими фактами.

Стоит помнить, что при недействительности отсутствуют не просто правовые последствия, а последствия, которые при нормальном развитии событий должны были бы наступить или наступили, но не имеют правового значения.

Д.М. Генкин считал: «правомерность или неправомерность не являются необходимым элементом сделки как юридического факта, а определяют лишь те или другие последствия сделки... Отрицательные последствия не превращают сделку в деликт». Наталья Дмитриевна Шестакова развивает эту позицию. «Недействительны только сделки ничтожные либо те оспоримые, по которым существует соответствующее решение суда – остальные действия, даже не соответствующие каким-либо положениям закона, являются сделками действительными» [45, с. 368].

Е.Я. Савченко отмечает, что недействительность чисто правовое понятие, смысл которого в том, что закон не придает юридической силы определенным действиям, актам, документам. Данный тезис подтверждает вывод о том, что недействительная сделка не может повлечь за собой наступления тех правовых последствий, к которым стремились ее участники, заключая такую сделку.

Затрагивая вопрос о сущности недействительности сделки подчеркивается, что при оспаривании таких сделок в суде стоит учитывать положения и о порядке исчисления исковой давности относительно данного института, который регулируется в ст. 181 ГК РФ.

Обращается внимание на то, что в соответствии с изменениями, внесенными в данную статью Федеральным законом № 142-ФЗ от 7 мая 2013 года, срок давности для лица, не являющегося стороной сделки, во всяком случае не может превышать десять лет со дня начала исполнения сделки.

Срок исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год, который начинает свое течение со дня прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка, либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

Очевиден пробел законодательства в регулировании данного вопроса, касаемый используемой терминологии. Понятие о временном исчислении исковой давности производит сложности правоприменения в связи с формулировкой «должен был узнать» об обстоятельствах, которые могли повлечь недействительность сделки.

Если недействительная сделка и влечет за собой какие-либо последствия, то только «отрицательные», то есть последствия, связанные с недействительностью сделки, появление которых стороны не хотели. Значительной особенностью сделки как юридического факта считается то, что в результате ее исполнения есть точно юридические последствия, которые стороны желали.

Еще одна существенная особенность сделки, сторонники этой позиции, называли легитимностью сделки. И поскольку недействительная сделка является незаконным действием, она не может считаться сделкой, по их мнению.

Взгляды ученых, которые изучали характер недействительных сделок, можно разделить на две главные категории. Одни полагают, что недействительные сделки, независимо от их порока, могут рассматриваться как сделки. Приверженцем этой концепции считается В.П. Шахматов, который отмечал: «При создании, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей направляются не только действительные действия – каждое действие, имеющее такую направленность, закон признает сделкой» [60]. Другие же доказывают обратное, так Ф.С. Хейфец считает: «Недействительные сделки в любом случае не могут быть классифицированы как сделки и должны квалифицироваться как гражданское правонарушение» [43, с. 162]. Полагаем, что ответ на вопрос о правовой природе недействительных сделок следует искать через анализ учений о юридических фактах, при этом необходимо опираться на имеющиеся в юридической науке понятия «юридический факт» и «юридический состав».

Юридическим фактом является факт действительности, с которым юридические нормы связывают юридические последствия, а юридическая структура представляет собой набор юридических фактов, необходимых для возникновения определенных правовых последствий.

Юридические факты в сфере науки о гражданском праве систематизируются как правовые события и юридические действия. Последние как правило включают в себя явления, которые не зависят от воли субъекта права, но с которыми нормы права связывают определенные юридические последствия. В отличие от событий, юридические действия всегда связаны с волей и волеизъявлением субъектов права. Единство воли и ее выражение является базой для юридической оценки поведения субъекта и признания такого поведения как имеющего юридическую значимость.

Действия в качестве юридических фактов, в свою очередь, разделяются на незаконные (противоправные) действия и законные. Среди юридических действий как правило выступают юридические поступки и правовые акты (сделки). Как отметил С.Н. Братусь, описывая необходимость такой правовой категории как правовые акты: «Теория правовых фактов знает ряд действий, которые не являются ни селками, ни преступлениями, а тем не менее порождают, изменяют и прекращают правоотношения» [18, с. 268]. К незаконным действиям принадлежат преступления, среди которых на отраслевой основе различают гражданские преступления, уголовные, административные, трудовые и т. д.

Сделки как юридические факты причисляют к юридическим актам. Как писал В.А. Демидюк: «Гражданский правовой акт – законное правовое действие, совершенное юридически способным лицом и направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений» [24, с. 203]. Тем не менее, исследователь принял, что в научной литературе отсутствует согласованное мнение относительно законности сделки: отдельные авторы считают, что законность считается существенным качеством гражданской сделки, а иные, наоборот, считают, что это свойство не может быть отнесено к числу фундаментальных элементов сделки.

Действительная сделка считается одним из юридических фактов, с которыми закон связывает появление правовых отношений. В то же время недействительная сделка не влечет за собой юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью.

Встречается такая точка зрения и у других ученых, рассматривавших проблемы недействительности сделок. Д.О. Тузов также считал: «неправильным включать «юридические последствия» в концепцию сделки [40, с. 211]. Ученый отметил: «Если сделка является причиной юридического результата, то состав сделки не может включать юридические последствия» [40, с. 211].

Вопрос о том, относится ли недействительная сделка к юридическим фактам, является одним из самых дискуссионных в науке гражданского права. Сторонники подхода, согласно которому недействительная сделка – не юридический факт, обосновывают его тем, что юридический факт – событие объективной действительности, которое порождает возникновение, изменение или прекращение гражданского правоотношения. При этом недействительная сделка не может порождать правовых последствий. Приверженцы другой позиции утверждают, что недействительная сделка является юридическим фактом, поскольку она влечет специальные последствия (в виде реституции и др.), пусть даже они при заключении сделки не имелись в виду сторонами.

Полагаем, что недействительная сделка является юридическим фактом в связи с тем, что способна породить последствия, указанные в п. 2 ст. 167 ГК РФ. Так, согласно указанной норме при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость в деньгах – если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

То обстоятельство, что недействительная сделка не порождает последствий, на которые стороны рассчитывали при ее совершении, не отнимает у недействительной сделки признаков юридического факта, поскольку юридическим фактом может считаться любое событие, с которым закон связывает правовые последствия, вне зависимости от того, имеет оно волевою природу или нет. Кроме того, до тех пор, пока существует законодательно закрепленная возможность применения последствия недействительности сделки, в том числе реституции (п. 2 ст. 167 ГК РФ), должен быть юридический факт, который запускает этот механизм. И на его роль не подходит ничего, кроме факта недействительности сделки. Конечно, можно признать, что этим фактом является передача вещи, но в этом случае произошло бы смешение неосновательного обогащения с применением последствий недействительности сделки. При таких обстоятельствах пока в российском законодательстве существует норма, определяющая последствия недействительности сделки, сами недействительные сделки надлежит считать юридическими фактами.

Прикладное значение нашего вывода видится в необходимости включения судами в предмет доказывания по делам о применении последствий

недействительности сделки существования недействительной сделки как юридического факта, а также исполнения по ней.

Иные исследователи также считают, что недействительная сделка является юридическим фактом, но такого рода юридический факт в силу указаний закона не влечет последствий, к которым должна приводить сделка. С.С. Желонкин утверждает, что: «Недействительная сделка как юридический факт может быть как законной, так и незаконной» [25, с. 73].

Нужно учитывать, что некоторые недействительные сделки могут быть признаны действительными. Д.О. Тузов пишет, что: «Суть исцеления дать ничтожной сделке юридической силы с момента ее совершения. Допустим также своеобразную конвалидацию оспоримой сделки – последствием этого является отпадение у лица, который подтвердил сделку права оспорить ее» [40, с. 211].

Иными словами, имеется отдельная категория сделок, какие согласно закону классифицируются как недействительные сделки, но при определенных обстоятельствах подобные сделки могут быть признаны и действительными. В первую очередь это относится к пункту 2 статьи 165 ГК РФ. Как установлено, несоблюдение нотариальной формы сделки, а в случаях, установленных законом, требования к государственной регистрации сделки влекут за собой ее недействительность (пункт 1 статьи 165 ГК РФ). В соответствии с пунктом 2 ст. 165 ГК РФ, если одна из сторон полностью или частично выполнила сделку, требующую нотариального удостоверения, а другая избегает такой сертификации сделки, суд имеет право признать сделку действительной по просьбе стороны, которая исполнила сделку.

Действительными могут признаваться ничтожные сделки в следующих случаях:

- если сделка, требующая государственной регистрации, производится в надлежащей форме, но одна из сторон избегает ее регистрации (пункт 3 статьи 165 ГК РФ). В этом случае суд вправе принять решение о регистрации сделки. Такое решение станет основой для его государственной регистрации [1].
- если установлено, что сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства, производится таким гражданином в его пользу (п. 2 ст. 171 ГК РФ);
- если установлено, что сделка, совершенная несовершеннолетним вне его гражданской дееспособности, используется в интересах несовершеннолетнего (пункт 2 статьи 172 ГК РФ) [1].

С точки зрения И.Б. Новицкого необходимо согласиться с недействительностью сделки как юридическим фактом: «Факт не может превратиться в «не факт». Как только воля будет выражена и нацелена на определенный результат, этот факт может быть безразличным с точки зрения закона, но он не может быть недействительным. Другое дело, что юридические последствия, которые обычно связаны с ним: они не могут произойти, и в этом и в последнем случае существует недействительная сделка [33, с. 247]. Таким образом, факт существования недействительной сделки не представляет собой какой-то логической бессмыслицы».

Заключение недействительной сделки также в силу закона приводит к юридическим последствиям, и единственное отличие от последствий действительной сделки состоит в том, что юридический результат недействительной сделки, как правило, не соответствует воли сторон. Г.Ф. Шершеневич писал: «Недействительная сделка не приводит к юридическим последствиям, которые должны были быть достигнуты ее исполнением, но недействительная сделка может привести к другим юридическим последствиям. Поскольку сделка недействительна, все должно быть восстановлено до позиции, в которой это было до сделки. Все, что было передано одним лицом другому на основании сделки, должно быть возвращено как принадлежащее другому лицу. Если недействительная сделка была совершена под воздействием принуждения или обмана, лицо, ответственное за сделку, несет имущественную ответственность за весь юридический ущерб, а зачастую также несет и уголовное наказание» [46].

Единственное отличие между недействительными и действительными сделками состоит в том, что первые из них имеют последствия, когда воля сторон была направлена на возникновение, а вторые имеют последствия, связанные с недействительностью сделки.

Проанализируем вопрос о том, считается ли центральная составляющая сделки в соответствии с ее юридическими последствиями для целей ее участников, с которой они следуют, путем заключения сделки.

В соответствии со ст. 153 ГК РФ, сделками признаются «действия граждан и юридических лиц, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей». Сделки необходимо понимать как действия, нацеленные на достижение определенных правовых последствий. Воля каждого человека, направленная на возникновение определенных последствий, присутствует во всех сделках. Но в некоторых случаях сделки имеют последствия, к которым стремились стороны, а в других – наступают иные неблагоприятные последствия. Законодатель не указывает, что сделка должна в точности привести к последствиям, которыми руководствовалась воля сторон. Соответственно, недействительная сделка по-прежнему является сделкой, хотя нет никаких законных последствий, каковые пытались достичь стороны, при ее совершении.

Следовательно, сама концепция сделки не должна ассоциироваться с наступлением юридического результата, который был ориентирован на волю сторон.

Определенные авторы находят недействительную сделку – незаконным действием и поэтому опровергают ее статус сделки. Таким образом, Ф.С. Хейфец считает, что: «Законность действия является конституционным элементом сделки, которая отличает ее от правонарушения. Отсутствие юридического элемента в конкретной сделке означает, что действие, возникшее в форме сделки на самом деле не сделка, а правонарушение» [43, с. 162].

Иная точка зрения заключается в том, что характер действий (законность или незаконность) не может считаться определяющим признаком, поскольку это

имеет отношение только к последствиям сделки, то есть как действительные, так и недействительные сделки являются сделками, а законность рассматривается как признак, элемент действительной сделки. Развивая эту позицию, Н.Д. Шестакова делает вывод о том, что: «Недействительны только сделки ничтожные либо те оспоримые, по которым существует соответствующее решение суда – остальные действия, даже не соответствующие каким-либо положениям закона, являются сделками действительными» [45, с. 368].

Рассмотрим позицию текущего Гражданского кодекса. В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделка – это действие, направленное на возникновение, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей. В определении не указывается ни характер действия (независимо от того, законно он или нет), либо последствия. Не говорится, что сделка – это действие, связанное с юридическими последствиями, желаемыми сторонами [1].

Нужно отметить, что большинство недействительных сделок нельзя назвать незаконными. Когда сделка совершается лицом, которое частично или полностью ограничено в дееспособности, одна из сторон не может понять смысл своих действий. Иная сторона сделки может не знать об этих ограничениях. Следовательно нет оснований считать подобные сделки незаконными.

Кроме того, сделка недееспособных (ограниченно дееспособных) может быть принята как действительная (п. 2 статьи 171 ГК РФ) при условии соблюдения определенных условий. Следовательно, не все недействительные сделки могут быть отнесены к незаконным действиям. Соответственно, законность или незаконность не являются необходимыми признаками недействительной сделки.

Необходимо иметь в виду, что правомерность действия должна быть изучена вне связи с местом сделки в системе правовых фактов, классификация которой осуществляется на добровольной основе. Незаконная сделка также является юридическим фактом и сделкой, так как это действие, направленное на определенный юридический результат. Соответственно, тезис о том, что сделка всегда является законным действием, является ошибочным. Недействительность и незаконность – фигуры правовой оценки действий, не связанных с классификацией юридических фактов на основе воли.

Поэтому, опираясь на толкование ГК РФ, мы можем сделать вывод, что сделками считаются и недействительные и действительные сделки; сновное – сконцентрироваться на появлении, изменении, прекращении правовых отношений. Действительные сделки создают юридические последствия, которые желают стороны, а недействительные – последствия, указанные в законе.

1.2 Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые и проблемы установления факта ничтожности сделки

Единственное легальное деление сделок – на оспоримые и ничтожные. В науке же более укоренилось деление сделок в зависимости от порока. Выделяют сделки с пороками воли, субъекта, формы, содержания. Разделяют также недействительные сделки в зависимости от последствий на те, которые влекут

двустороннюю, одностороннюю реституцию либо недопущение реституции, а также в зависимости от того, кто вправе обжаловать сделку. Интересным является предложение о разделении недействительных сделок на собственно недействительные и незаключенные. Так, В.П. Шахматов и М.И. Семенов считали, что законодатель под незаключенным договором понимает ничтожный договор и незаключенная сделка является видом ничтожной сделки по признаку – несоответствие сделки закону [60]. Совершенно иное мнение высказывал Л. Эннекцерус. Он полагал, что не имеет значения деление сделок на ничтожные и несостоявшиеся, поскольку с таким делением никак не связываются юридические последствия [60]. Мы полагаем, что, во-первых, не обосновано включение незаключенных сделок в систему недействительных сделок, поскольку различна их правовая природа. Если недействительная сделка – это сделка, имеющая все компоненты, но один или несколько из них порочны, то незаключенная сделка – это действие, не добравшее всего состава для того, чтобы приобрести силу сделки. Во-вторых, деление сделок на недействительные и несостоявшиеся должно иметь место, поскольку для недействительных сделок законодатель предусмотрел специальные последствия, указанные в ст. 167 ГК РФ. Незаключенные сделки последствий, указанных в ст. 167 ГК РФ, не влекут. Как правило, к ним применимы обязательства вследствие неосновательного обогащения. Если, конечно, по ним произошло исполнение.

В соответствии с п. 1 ст. 166 ГК РФ сделка недействительна по основаниям, установленным ГК РФ, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка). Из этого положения закона выводится первое различие ничтожных и оспоримых сделок: оспоримая сделка обладает силой до тех пор, пока она не признана недействительной; ничтожная сделка юридической силы не приобретает вне зависимости от того, признана она недействительной или нет. Нередко в судебной практике встречаются случаи предъявления исков с требованием о признании сделки ничтожной. В литературе высказано мнение о том, что такие иски должны рассматриваться по существу. Пленум Верховного Суда РФ и Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 32 постановления от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», разделяя названную позицию, отметили, что ГК РФ не исключает возможности предъявления исков о признании недействительной ничтожной сделки.

Второе различие выводится из п. 2 ст. 166 ГК РФ, согласно которому требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено лицами, указанными в ГК РФ. Требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки может быть предъявлено любым заинтересованным лицом. Суд вправе применить такие последствия по собственной инициативе. Таким образом, субъектом требования о признании оспоримой сделки недействительной является лицо, прямо указанное в ГК РФ. Требовать признания недействительной ничтожной сделки может любое заинтересованное лицо. Суд вправе самостоятельно признать ничтожной

недействительную сделку. Правда, последнее утверждение прямо не содержится в п. 2 ст. 166 ГК РФ. В этой норме есть лишь указание на субъект требования применения последствий недействительности ничтожной сделки. Однако упомянутое нами правило о субъекте оспаривания ничтожной сделки выведено, скорее, из сложившейся судебной практики, чем из буквального положения п. 2 ст. 166 ГК РФ. Так, по одному из дел суд со ссылкой на п. 2 ст. 166 ГК РФ указал, что вправе признать совершенную сделку ничтожной и применить последствия ее недействительности и по другим основаниям, нежели заявлено истцом, если установит наличие соответствующих обстоятельств, свидетельствующих о ничтожности этой сделки (постановление ФАС Северо-Западного округа от 10.04.2006 по делу № А56–24225/2005). Аналогична практика судов общей юрисдикции. К примеру, рассматривая одно из дел, Абаканский городской суд Республики Хакасия указал, что обоснование истцом недействительности договора ссылкой на отсутствие одного из существенных условий ошибочно и не соответствует требованиям закона; вместе с тем суд не лишен права, предоставленного ему ст. 166 ГК РФ, признать недействительным спорный договор, выбрав основанием недействительности ст. 168, 454 ГК РФ [60].

В действующем российском законодательстве все недействительные сделки делятся на оспоримые и ничтожные. Недействительными считаются сделки, которые не соответствуют требованиям закона и иных правовых актов (статья 168 ГК РФ), а также некоторые другие недействительные сделки (статья 169, 170, 171 ГК РФ и т. д.) [59].

Оспоримыми сделками являются:

- сделки, совершенные под воздействием мошенничества, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (статья 179 ГК РФ);
- сделки, совершенные под воздействием существенного заблуждения (статья 178 ГК РФ);
- сделки, совершенные гражданином, который не в состоянии понять смысл своих действий или управлять ими (статья 177 ГК РФ);
- сделки, совершенные гражданином, ограниченным судом в дееспособности, а также в несовершеннолетнем возрасте от 14 до 18 лет (статья 175, 176 ГК РФ);
- сделки юридического лица, выходящие за рамки его деятельности (статья 173 ГК РФ);
- сделки, которые не соответствуют требованиям закона, оспариваемым законом (статья 168 ГК РФ) [1].

Формальной правовой основой для разделения сделок на оспоримые и ничтожные считается процедура признания соответствующей сделки недействительной: оспоримая сделка недействительна в силу ее признания судом; недействительная сделка недействительна независимо от такого признания (пункт 1 статьи 166 ГК РФ) [1].

О.В. Гутников: «Анализ правил гражданского кодекса по недействительности сделок непосредственно подразумевает следующие различия между ничтожными и оспоримыми сделками.

1. Недействительность оспоримой сделки осуществляется только в судебном порядке по иску соответствующего лица. Ничтожная сделка недействительна независимо от признания ее судом.

2. Требование (иск) о признании оспоримой сделки недействительной может быть представлено ограниченным числом лиц, указанных в гражданском кодексе (пункт 2 статьи 166 ГК РФ). Недействительность ничтожной сделки может быть объявлена любым лицом.

3. В качестве общего правила, как ничтожная, так и оспоримая сделки являются недействительными с момента их исполнения (пункт 1 статьи 167 ГК РФ). Однако только оспоримая сделка в некоторых случаях может быть прекращена только в будущем после признания ее судом недействительной (пункт 3 статьи 167 ГК РФ).

4. Срок исковой давности для признания недействительной оспоримой сделки и применения последствий ее недействительности составляет один год (пункт 2 статьи 181 ГК РФ). Срок исковой давности для применения последствий недействительности ничтожной сделки является три года» [23].

Отличия между ничтожными и оспоримыми сделками посвящено большое количество теоретических исследований, но на практике этот вопрос всегда был предметом обсуждения. Как указывалось, согласно пункту 1 статьи 166 ГК РФ, ничтожная сделка недействительна независимо от признания ее судом, оспоримая сделка недействительна в силу ее признания судом как таковой. Различия, вытекающее из Закона, похоже, основываются на формальных, но не существенных критериях.

С формальной точки зрения оспоримость и ничтожность считаются лишь двумя методами признания недействительными сделок, если они не отвечают требованиям закона и иных правовых актов. Практическая важность определения основных законов о разделении недействительных сделок на оспоримые и ничтожные сделки связана с постоянным расширением объема нормативных правовых актов, устанавливающих недействительность соответствующих сделок в некоторых случаях из-за ничтожности, в иных случаях к оспоримости.

Известный цивилист Г.Ф. Шершеневич, разделив недействительные сделки на ничтожные и оспоримые, заметил: «Что разница между ними основана на том, что имеет в виду Закон, устанавливающий недействительность: исключительно интересы частного лица, а также интересы всего общества» [46]. Безусловно, этот подход носит рациональный характер, с точки зрения утверждения, что требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть представлено только лицами, непосредственно указанными в Законе (наличие частного интереса), и требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки может быть представлено любым заинтересованным лицом, в том числе по инициативе суда (интересы гражданского оборота в целом). Однако эта основа классификации в определенной степени условна, так как в гражданско-правовых отношениях частные интересы часто тесно переплетаются с общественными интересами. К примеру, в случае сделки в результате злонамеренного соглашения представителя

одной стороны с другой стороной, можно говорить не только о нарушении прав и законных интересов потерпевшей стороны, но также о заинтересованности всех участников оборота выявить нечестность его участника. Но такая сделка может быть признана недействительной по иску потерпевшего, что связано не только с частным или общественным интересом, но и с тем, что в большинстве случаев только жертва (или заинтересованное лицо) обладает всей достоверной информацией в обстоятельствах сделки.

Необходимо отметить, что в советской юридической литературе часто высказывалось мнение о том, что, несмотря на отсутствие прямого указания Кодекса, правом оспорить сделку обладает не только жертва и заинтересованные лица, но также и органы прокуратуры, каковым предоставлено процессуальное право вступать в дело на любом этапе процесса. Это рассматривалось как сходство между ничтожными и оспоримыми сделками. Такому мнению, в частности, придерживаются Д.М. Генкин, С.И. Вильнянский, С.В. Занковская, Н.Э. Рабинович.

Такое широкое толкование норм гражданского права в современных условиях гражданского оборота, несомненно, является неприемлемым, если речь идет не о защите государственных и общественных интересов. Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (пункт 1 статьи 1 ГК РФ) в полной мере применяется на институт недействительных сделок, а инициативу по оспариванию сделки может осуществлять только непосредственно указанные лица в законе. Необходимо отметить, что здесь реализуется принцип гражданского права: на практике при подаче иска о признании ничтожной сделки недействительной, суд в большинстве случаев воздерживается от применения последствий их недействительности по своей собственной инициативе, учитывая это как выход из требований, таким образом, оставляя вопрос о возможности применить последствия недействительности по усмотрению сторон.

В некоторых случаях особое свойство оспоримых сделок видят в том, что недостатки их трудно видимы и не могут быть обнаружены без представления и оценки необходимых доказательств. Но для определения недействительности ничтожной сделки может потребоваться представление и оценка доказательств. На самом деле, не только недействительность оспоримой сделки, но и недействительность ничтожной сделки может быть не всегда очевидна, например, мнимые или фиктивные сделки. Следовательно, существенные особенности оспоримой сделки нельзя отнести к тому, что просто или трудно установить определенные факты, и что без соответствующего заявления заинтересованной стороны трудно установить существование реальных предпосылок, без которых сделка не может быть объявлена недействительной.

Мы предполагаем, что различие между оспоримыми и ничтожными сделками основано на специфике самой сделки, ее особых свойствах, а не важности интересов, нарушенных сделкой. В соответствии с этой позицией, только особенности сделки могут быть классифицированы как ничтожные или оспоримые. Так, Н.В. Рабинович пишет: «Распределение оспоримых сделок объясняется тем фактом, что признание их недействительным в силу присущих

им специальных свойств не может иметь место без соответствующего заявления потерпевшей стороны (или заинтересованного лица) [59]. Например, для того, чтобы аннулировать сделку, совершенную под воздействием мошенничества, угрозы, насилия и т. д. Необходимо, чтобы сам потерпевший подтвердил, что он совершил сделку под влиянием обмана, применяемого к нему. Без заявления жертвы это не может быть установлено».

Следует согласиться с мнением Н.В. Рабиновича, потому что специфичность оспоримых сделок действительно заключается в том, что недействительность не может иметь место без соответствующего заявления потерпевшей стороны (или заинтересованной стороны).

Классификация недействительных сделок на ничтожные и оспоримые не считается незаменимой и единственной в науке гражданского права. Вопрос о классификации недействительных сделок решается цивилистами по-разному. Имеется мнение, что волеизъявления делится на ничтожные (не сделки) и действительные (сделки). Действительные волеизъявления (сделки), в свою очередь, подразделяются на безоговорочно действующие и условно действительные (оспоримые) сделки.

Не обращаясь к аргументам против введения понятия недействительности волеизъявления, следует обратить внимание на то, является ли отнесение ничтожных и оспоримых сделок для разных категорий, таких как сделки и «не сделки». Оспоримые сделки остаются в силе до тех пор, пока они не будут оспорены и признаны недействительными. Однако даже до этих моментов они содержат такие функции, которые позволяют сделать их недействительными в будущем. Вопрос об оспоримости с точки зрения права возникает при непосредственном оспаривании сделки заинтересованных лиц, но не раньше [59].

С момента признания недействительной оспоримая сделка (а также и ничтожная) не влечет за собой юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, а также недействительны с момента ее совершения (ст. 1 ст. 167 ГК РФ). Но, в отличие от ничтожной сделки, операция оспоримой сделки может быть прекращена по решению суда только в будущем, если это следует из его содержания.

В науке предлагаются разные определения для категории сделок, которые гражданский Закон называет оспоримыми. Так, И.Б. Новицкий предлагал называть такие сделки: «Относительно недействительными, а ничтожные сделки абсолютно недействительными» [33, с. 247]. По его мнению: «Оспоримость представляет собой как бы последующую ничтожность с обратной силой, и оспоримая сделка в результате оспаривания становится ничтожной, поэтому деление недействительных сделок на оспоримые и ничтожные неудачно» [33, с. 247]. И.Б. Новицкий утверждал, что: «Пока оспаривание сделки возможно, но не осуществлено, имеет место состояние неопределенности, а если право оспаривания отпадает, сделка становится окончательно действительной» [33, с. 247].

Данный подход неприемлем с точки зрения требований стабильности гражданского оборота. Состояние неопределенности означало бы отсутствие

необходимого порядка и надежности гражданских отношений. В то же время неясно, что подразумевается под этим условием, поскольку все положения закона о действительных сделках соответствующего типа применяются к нему до тех пор, пока сделка не будет оспорена. Соответственно, не может быть никакого специального правового режима неопределенности ни теоретически, ни практически. Похоже, что сделка не стала «окончательно действительной» после того, как истек срок ее оспаривания, и в этом случае не перестает быть действительным. Более того, если сделка не оспаривается заинтересованными лицами, вопрос о ее недействительности не возникает с точки зрения закона. Как верно замечает Ф.С. Хейфец: «Отсутствие спора подтверждает, что заключенная сделка соответствует интересам ее участников или получает одобрение третьих лиц, которые должны были дать согласие на ее заключение» [43, с. 162].

Определенные цивилисты не видят особой разницы между ничтожными и оспоримыми сделками, потому что конечный результат между ними не имеет значения. Но, похоже, гражданские правоотношения не могут быть сведены только до конечного результата. И в правду, результатом в обоих случаях считается недействительность сделки. Но в случае оспоримости этот результат возникает, хотя и с обратной силой, но при наличии особых объективных и субъективных предпосылок (обращение в суд заинтересованного лица, признание сделки судом недействительным), может не наступить. В случае ничтожности сделка недействительна сама по себе на объективных основаниях. Поэтому, для оспоримой сделки, этот результат недействительности не является обязательным и необходимым следствием его исполнения, который полностью соответствует требованиям стабильности гражданских отношений.

Принимая во внимание вышеизложенное, кажется, что разумное наименование в отношении оспоримых сделок относительно действительно. Это наименование не отрицательно сказывается на стабильности гражданских отношений и соответствует характеру оспоримых сделок. Но это название отражает позицию закона в отношении таких сделок в большей степени, прежде чем оспорить их юридическую силу в суде; после признания в качестве недействительных такие сделки становятся недействительными из-за оспоримости.

В силу закона ничтожные сделки не должны признаваться судом недействительными, поскольку они являются недействительными независимо от такого признания (статья 166 ГК РФ) [1]. Однако нынешняя судебная практика наглядно иллюстрирует необходимость рассмотрения и удовлетворения требований о признании ничтожной сделки как недействительной [60].

Определяющую роль для рассмотрения судами требований о признании ничтожных сделок недействительными играет Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.96 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Из данного Постановления следует, что отказ суда от принятия к производству исков о признании недействительными сделок, которые в силу прямого указания закона относятся к категории ничтожных, мог бы негативным образом повлиять на обеспечение

защиты субъективных прав, нарушенных такими сделками. В соответствии с п. 32 указанного Постановления ГК не исключает возможности предъявления исков о признании недействительной ничтожной сделки, и споры по таким требованиям подлежат разрешению судом в общем порядке по заявлению любого заинтересованного лица.

Как отмечает Д.О. Тузов: «Судебное решение по иску о признании ничтожной сделки недействительной устраняет всякую неопределенность в квалификации сделки и в правовом положении ее субъектов» [40, с. 211].

Ввиду обширного распространения требований о признании ничтожных сделок недействительными, а также с целью защиты законных интересов участников гражданского оборота, подача иска о признании ничтожной сделки не считается основанием для отказа в удовлетворении иска судом. Рассмотрение представленных судами требований о признании ничтожных сделок недействительными отвечает требованиям практической потребности и способствует стабильности гражданских правоотношений.

1.3 Последствия недействительности сделок

В соответствии с пунктом 1 статьи 167 ГК РФ: «Ничтожная сделка не влечет юридических последствий, которые не связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения».

В случае если недействительная сделка исполнялась сторонами, возникает вопрос о судьбе имущественных предоставлений, полученных сторонами в результате ее исполнения, а также в случае возникновения каких-либо потерь (расходов и т. п.) в связи с исполнением недействительной сделки о том, на кого они должны быть возложены [60].

Имущественные последствия недействительных сделок в литературе принято подразделять на основные и дополнительные.

Единственным главным последствием недействительности сделок следует признать двустороннюю реституцию – восстановление сторон в первоначальное положение: каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость (п. 2 ст. 167 ГК РФ). Она применяется всегда, независимо от оснований недействительности сделки и указания на такое последствие в соответствующей статье. Исключение предусмотрено ст. 169 ГК РФ, которой суду предоставлено право в случаях, предусмотренных законом, взыскать в доход Российской Федерации все полученное по сделке, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности, сторонами, действовавшими умышленно (конфискация), или применить иные последствия, установленные законом.

Суд вправе не применять последствия недействительности сделки лишь в том случае, если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности (п. 4 ст. 167 ГК РФ).

Если сделка признана притворной, то есть прикрывающей другую сделку, суд вместо реституции применит правила о той сделке, которую стороны действительно имели в виду (п. 2 ст. 170 ГК РФ).

Реституция не применяется в отношении мнимых сделок, поскольку п. 2 ст. 167 ГК РФ связывает ее применение с фактом исполнения сделки. Однако мнимой может быть признана и такая сделка, которую формально стороны исполнили. Представляется, что в некоторых подобных случаях можно было бы применить реституцию [1].

Дополнительные последствия недействительности сделок состоят в обязанности возместить убытки, причиненные в связи с совершением и исполнением недействительной сделки в случаях, предусмотренных законом. Такая обязанность возлагается:

- на дееспособную сторону, если она знала или должна была знать о пороках субъектного состава (ст. ст. 171, 172, 175–177 ГК РФ) [1], возмещению подлежит реальный ущерб;
- на сторону, действовавшую умышленно и недобросовестно (ст. 179 ГК) [1]: убытки, причиненные потерпевшему, возмещаются ему в полном объеме, риск случайной гибели предмета сделки несет эта же недобросовестная сторона.

Специфические правила предусмотрены п. 6 ст. 178 ГК РФ. В качестве общего правила установлено, что обязанность возместить другой стороне реальный ущерб возлагается на сторону, по иску которой сделка признана недействительной, т. е. на заблуждавшуюся сторону. Вместе с тем если другая сторона знала или должна была знать о наличии заблуждения, в том числе если заблуждение возникло вследствие зависящих от нее обстоятельств, то реальный ущерб ей не возмещается.

Более того, заблуждавшаяся сторона вправе требовать от другой стороны возмещения причиненных ей убытков (то есть в том числе и упущенной выгоды), если докажет, что заблуждение возникло вследствие обстоятельств, за которые отвечает другая сторона.

Другие последствия, не связанные с реституцией, могут быть применены в случаях, предусмотренных законом. В частности, есть ряд особых последствий для ничтожных сделок.

Перед подачей иска о применении последствий недействительности уточните, не применяются ли специальные правила в вашем случае. Можно рассмотреть две наиболее распространенные ситуации.

Первая ситуация: Гражданин приобрели вещь у неуправомоченного продавца, затем третье лицо истребовало ее у него. В этом случае необходимо подать против продавца иск о возврате уплаченной цены и возмещении убытков на основании п. 1 ст. 461 ГК РФ, а не о применении последствий недействительности сделки. Так можно не просто получить уплаченную ранее цену за товар, но и попытаться взыскать упущенную выгоду [59].

Вторая ситуация: контрагент перепродал вещь, которую гражданин передал ему по недействительной сделке. В подобной ситуации необходимо предъявить фактическому владельцу вещи иск о ее истребовании из чужого незаконного

владения в соответствии со ст. ст. 301, 302 ГК РФ.

Признание сделки недействительной может повлечь негативные последствия для третьих лиц.

Например, покупатель приобрел имущество по договору купли-продажи, а потом перепродал его. Впоследствии первый договор был признан недействительным, но последствия недействительности применены не были. Если выяснится, что имущество выбыло из владения продавца по первому договору помимо его воли, то он может истребовать имущество из незаконного владения недобросовестного покупателя по второму договору (п. 1 ст. 302 ГК РФ).

Сторона неосновательно обогатилась, если она приобрела или сберегла имущество за счет контрагента без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований (п. 1 ст. 1102 ГК РФ). Неосновательное обогащение может возникнуть, например, когда при проведении двусторонней реституции одна сторона вернула другой ранее полученное имущество, а другая сторона не возвратила переданные ей денежные средства [59].

В отношении недействительности сделок отмечено: «...то, что именуется признанием оспоримой сделки недействительной, является лишь частным случаем такого закрепленного в ст. 12 способа защиты, как прекращение правоотношений. Применение последствий недействительности сделки, в свою очередь соотносится с такими способами как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, возмещение убытков. Вместе с тем в перечень не включен способ защиты интересов недееспособного, как судебное признание совершенной им сделки действительной».

Способы защиты, закрепленные в ст. 12 ГК РФ, не являются исчерпывающими. Не закрепленные способы защиты можно назвать специальными. Специальным будет признание сделки совершенной недееспособным гражданином действительной (п. 2 ст. 171 ГК РФ), а также признание сделки действительной при уклонении одной из сторон договора от нотариальной регистрации (ст. 165 ГК РФ). Признание ничтожной сделки недействительной, этот способ защиты права не назван в ГК РФ. Тузов считает это существенным недостатком, порождающим «множество дискуссий» [40, с. 211].

Н.Д. Шестакова считает, что «выделение в качестве самостоятельных способов защиты признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий недействительности обоснованно», но в тоже время указывает, что «ошибочно отождествлять признание оспоримой сделки недействительной и прекращение правоотношения» [45, с. 368]. Среди специальных способов защиты, предусмотренных в ГК РФ Шестакова выделила:

- признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий недействительности сделок (ст. 12, ст. 166 ГК РФ);
- признание ничтожной сделки действительной (п.2 ст. 171, п 2 ст. 172, п. 2 ст. 165 ГК РФ);
- государственная регистрация сделки (п. 3 ст. 165 ГК РФ) [45, с. 368].

Защита нарушенного или оспоренного в результате совершения недействительной сделки права может быть реализована путем предъявления соответствующего иска в суд. Закономерным итогом подачи иска в суд о защите права нарушенного недействительной сделкой будет наступление определенных правовых последствий. После объявления сделки недействительной, она прекращает свое правовое существование.

Н.В. Рабинович отмечала, что «оспоримые сделки могут исполняться и после признания их судом недействительными, если участники сделки или третье лицо снимают свои возражения и согласны ее исполнить» [59].

По нашему мнению, реституцию следует относить не к мерам ответственности, а к мере защиты гражданских прав. Двусторонняя реституция стоит в одном ряду с виндикацией и неосновательным обогащением: во всех трех случаях имущественная сфера лица, передающего имущество другому лицу, не терпит дополнительных обременений: у него лишь изымается то, что не могло входить в состав имущества этого лица. Об ответственности участников недействительной сделки можно говорить только при применении иных последствий признания сделки недействительной: односторонней реституции и взыскания убытков. Виндикация, реституция и кондикция являются мерами охранительного характера, не связанными с применением санкций гражданско-правовой ответственности.

Одна точка зрения заключается в том, что под неосновательное обогащение подходит все, что подлежит изъятию, в связи с аннулированием сделки, так как было приобретено без достаточных на то оснований.

С другой же стороны «неосновательное обогащение – обязательственно-правовой иск о выдаче вещей, определенных родовыми признаками, о выдаче денег, об оплате совершенных действий, оказанных услуг, в отличие от этого вещи, определенные индивидуально или индивидуализированные в результате их передачи и в дальнейшем не утратившие индивидуализирующих признаков, истребуются при помощи вещно-правового иска о виндикации».

Контрастная позиция К.И. Скловского заключается в непринятии сопоставления реституции, виндикации и неосновательного обогащения. Он выделяет признаки присущие только реституции: наличие черт обязательства и взаимный характер реституции; возврат вещи лицу, только в силу факта обладания ею до совершения недействительной сделки (посессорный характер) [37, с. 176].

Кроме двусторонней реституции, имела место односторонняя реституция. Данный вид реституции имел место до глобальных изменений гражданского законодательства 2013 года.

Односторонняя реституция применялась при получении выгоды только одной из сторон договора, двусторонняя реституция не может быть применена. Рассмотрим яркие примеры из судебной практики. В арбитражном суде Тульской области рассматривалось дело № А68–7701/2016. Индивидуальный предприниматель, являющийся главой крестьянско-фермерского хозяйства, обратился с иском к ООО о признании договора недействительным и применении

последствий недействительности сделки, а также возврата денежной суммы, уплаченной во исполнение данного договора. ООО обязалось поставить индивидуальному предпринимателю сельскохозяйственные удобрения. Истец в одностороннем порядке совершил перевод денежных средств, но по истечении установленного в договоре удобрения поставлены не были. Позже выяснилось, что ООО намеренно ввело истца в заблуждение, воспользовавшись авторитетом другой компании. Суд посчитал, что сделка была совершена под влиянием обмана и требования истца подлежат полному удовлетворению. Сделка недействительна в силу ст. 179 ГК РФ. Суд применил одностороннюю реституцию в качестве последствия недействительности сделки и взыскал с ООО в пользу ИП денежные средства. Гражданский кодекс РФ, в качестве последствий недействительности оспоримой сделки, которая была совершена под влиянием обмана, насилия, угрозы и т. д., установил одностороннюю реституцию [60].

Примерами применения односторонней реституции могут служить недействительные сделки из договора дарения, договора аренды. Также была возможность недопущения реституции при наличии вины обеих сторон в совершении недействительной сделки. Гутников указывает: «При этом конфискационные меры в виде взыскания полученного в доход государства в равной степени применяются к обеим сторонам недействительной сделки. Никаких дополнительных выплат и компенсаций выплачивать по такой недействительной сделке не предполагается. У сторон просто конфискуется все имущество, переданное ими друг другу по недействительной сделке или предполагавшееся к передаче». «Наиболее ярким примером, в котором последствия признания сделки недействительной ГК РФ заключаются в неприменении реституции, является получение взятки должностным лицом. При этом получатель денег не вправе использовать их в своих интересах, а их обладатель не может вернуть обратно». Из смысла статьи 169 ГК РФ следует, что (недопущение реституции) взыскание возможно лишь в случае исполнения сделки обеими сторонами или в случае исполнения сделки одной стороной.

«При наличии умысла у обеих сторон при исполнении сделки обеими сторонами в доход Российской Федерации взыскивается все полученное ими по сделке. Если же такая сделка исполнена лишь одной стороной, то с другой стороны взыскивается в доход Российской Федерации все полученное ею и все причитавшееся с нее первой стороне в возмещение полученного (недопущение реституции)». В законодательстве имеет место, еще один способ ограничения реституции – отказ в применении реституции.

На практике встречаются моменты, когда применение реституции (восстановление сторон в первоначальное положение) не всегда является исчерпывающим последствием и удовлетворяет требования заинтересованной стороны.

О.В. Гутников указывает на необходимость разрешения следующих вопросов:

- возмещение убытков, причиненного одному из субъектов при признании сделки недействительной;
- возврат доходов, извлеченных одним лицом за счет имущества другого лица;

– компенсация затрат, которые могли быть произведены содержанием или улучшением имущества, находясь оно у одной из сторон сделки.

Юридическая наука, в гражданском праве, определяет вред как умаление личного или имущественного блага. Имущественный вред, исходя из ст. 15 ГК РФ можно определить, как материальные или экономические последствия правонарушения, имеющие, в своем основании, стоимостную оценку. Легальное определение говорит нам о «расходах, которые лицо, чье право нарушено, произвело или произведет для восстановления нарушенного права». Убытки же делятся на реальный ущерб (будущие или произведенные расходы) и упущенную выгоду.

О.С. Иоффе указывал: «сам факт недействительности сделки, причиняет ее участнику убытки» [27]. По мнению ученого-правоведа, обязанность возмещения убытков, является следствием не самой недействительной сделки, а следствием исполнения по недействительной сделке.

Говоря о реституции, нельзя не указать, что ее применение все же не всегда означает возвращение сторон к прежнему имущественному состоянию. Еще советская цивилистика в лице О.С. Иоффе отмечала: «восстановление сторон в первоначальное положение не всегда исчерпывается одним лишь возвращением сторонами всего полученного ими по недействительной сделке» [27]. На практике, при спорах, касающихся вопроса недействительности сделок, стороны несут дополнительные расходы, не входящие в стоимость самой сделки. Например: уплата налогов и сборов, уплата государственных пошлин, таможенных платежей, транспортных расходов и т. д.

Гражданский кодекс, устанавливая обязанность виновной стороны, возместить другой стороне реальный ущерб, указывает на наличие признака виновности. То есть, возмещение убытков своеобразная мера ответственности. Это может быть обязанность возместить убытки, причиненные сделкой, совершенной недееспособным гражданином (п. 1 ст. 171 ГК РФ). Из этого следует вывод, что вне обязательства, возникшего из реституции невозможно обязать виновную сторону возместить реальный ущерб. Требование же о возмещении убытков, является вспомогательным.

Данной точки зрения придерживается и Д.О. Тузов, прямо называя возмещение убытков частью реституционного требования [40, с. 211]. С данным мнением сложно не согласиться, ведь требование о возмещении убытков самостоятельно существовать не может. Возмещение убытков возможно только при применении последствий недействительности сделки. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о факультативности требований возмещения убытков вследствие недействительности сделки. Присутствует и противоположная точка зрения, говорящая о договорном характере возмещения убытков как меры ответственности. Возмещение убытков является, по мнению данных авторов, ответственность за заключение «противозаконного договора» поэтому «возмещение убытков потерпевшему контрагенту производится по правилам договорного права». Данная точка зрения не может не подвергаться критике, так как общеизвестным фактом является то, что недействительная сделка

признается недействительной с момента ее заключения и никаких договорных отношений между субъектами не может быть в принципе.

Н.В. Рабинович же придерживалась мнения о деликтной ответственности. Она считала: «деликтная ответственность, наступающая тогда, когда налицо необходимые для этого условия, то есть неправомерный характер деятельности ответчика, вина ответственного лица и причинение его действиями ущерба». Обособленно от других мнение Ф.С. Хейфеца. Он считал, что возмещение убытков как последствие недействительности сделки носит ярко выраженный внедоговорной характер, в тоже время его нельзя отнести и к деликтным видам ответственности. Феликс Соломонович аргументирует свою позицию, тем что результатом деликта является вред не только имуществу, но и личности. Убытки же будут возмещены в полном объеме как реальный вред, так и упущенная выгода. По нашему мнению, наиболее верная и аргументированная позиция Н.В. Рабинович.

Если обратиться к аргументации Ф.С. Хейфеца, то скорее всего, признаки, которые описывает ученый-цивилист говорят о возмещении убытков по недействительной сделке как об особом виде деликтной ответственности. Для полного и всесторонней реституции необходимо выяснение объемов причиненных убытков.

Восстановление первоначального состояния потерпевшего, а также компенсация убытков, в случае невозможности восстановления является содержанием понятия возмещение вреда. Единое понятие объема ответственности в правовой литературе отсутствует, но есть определенный круг авторов, использующих понятие «размер ответственности» в качестве синонима.

Позиция Н.В. Платова в определении объема убытков заключается в принятии определенного стандарта, устанавливаемого законом, а также подстандартов, регулирующие отдельные категории убытков. Н.В. Платов считает: «тогда как, размер убытков – это не что иное как величина конкретных денежных сумм, подлежащих взысканию за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств в пользу кредитора».

Отметим, что размер убытков не может являться и не является установленной величиной. Интересной является позиция А.В. Волкова. В своей диссертации он анализирует институт убытков в российском гражданском праве. Размер убытков зависит от совокупности состава ущерба, понесенного кредитором (чаще всего выраженные в денежном эквиваленте) [19, с. 187].

А.В. Волков отмечает, что: «Объем убытков – это та доля из уже определенного размера, которую в соответствии с законом необходимо возложить на должника, учитывая его вину и поведение кредитора, вину других должников, ограничения, содержащиеся в законе, и т. д. Таким образом, размер убытков – объективная величина, если есть потери, то они объективно существуют в наличии, а объем – величина оценочная, определяемая законодателем, судом, зависящая от влияния различных факторов, то есть субъективная» [19, с. 187].

Статья 1082 Гражданского кодекса РФ устанавливает основные способы возмещения вреда:

- возмещение в натуре;
- возместить причиненные убытки. Под возмещением в «натуре» российское гражданское законодательство понимает возмещение вещи того же качества, того же рода или же исправление поврежденной вещи. На практике же имеют место случаи, когда вещь определена индивидуальными признаками или ее замена невозможна в результате действий причинителя вреда. Основной целью института возмещения вреда (убытков) является восстановления потерпевшего в таких имущественных правах, которые у него имелись до правонарушения. Безусловно, принцип полного возмещения вреда, является основным принципом гражданского права.

Разность между имущественным положением потерпевшего до и после причинения вреда и будет реальным ущербом. В соответствии со ст. 15 ГК РФ возмещению должны подлежать убытки понесенные к моменту предъявления иска, а также расходы, связанные с восстановлением нарушенного права. Судам не составляет большого труда на практике определить прямые действительные убытки. Отмечается, что при взыскании упущенной выгоды имеются «определенные сложности и спорные моменты».

Сравним упущенную выгоду и прямой ущерб. Главное отличие заключается в том, что в последнем случае «наличное имущество не увеличилось, хотя могло и должно было увеличиться, если бы не совершенное правонарушение». Подсчет упущенной выгоды сопровождается рядом трудностей. Основное затруднение вызывает определение точного размера неполученной прибыли. П. 4 ст. 393 ГК РФ говорит нам о том, что размер упущенной выгоды определяется реально предпринятыми мерами и приготовлениями для ее получения.

Мы считаем, что данное положение не может быть справедливо в отношении стороны ответственной по недействительной сделке, невозможно учесть все варианты исхода событий, которые могли бы сложиться для получения максимальной прибыли.

Обязанностью истца является доказывание реальности, при благоприятных обстоятельствах, получения данной прибыли. Единого нормативного акта, который всесторонне регламентировал бы вопросы подсчета размера и объема упущенной выгоды не существует. Ст. 15 ГК РФ, а именно абзац 2 пункта 2 разъясняет, что размер упущенной выгоды, подлежащий взысканию в пользу потерпевшего в качестве части понесенных им убытков, не может быть меньше, чем такие доходы.

Нельзя и не упомянуть, что на размер и объем ответственности влияет наличие причинно-следственной связи между действиями стороны нарушающей положения гражданского оборота и последствиями. Не меньшее значение имеет определение размера возмещения при совместном причинении вреда несколькими лицами, для чего необходимо тщательно выяснить обстоятельства причинения вреда и определить степень вины каждого. Данное обстоятельство относится к сделкам, совершенным под влиянием злонамеренного соглашения представителя

одной стороны с другой стороной. Одним из результатов кроме возмещения убытков может быть возврат доходов от использования имущества, которое было передано по недействительной сделке.

Статьи 1107 и 1108 ГК РФ регламентируют вопросы, касающиеся возврата доходов, они будут применяться на основании подпункта 1 ст. 1103 ГК РФ. Пункт 1 статьи 1107 Гражданского кодекса говорит о том, что: «сторона недействительной сделки, которой было передано имущество, обязана возвратить или возместить другой стороне все доходы, которые она извлекла или должна была извлечь из этого имущества с того времени, когда она узнала или должна была узнать о неосновательности обогащения (недействительности сделки)». Стоит отметить, если при заключении недействительной сделки были переданы денежные средства, то на эту сумму начисляются проценты в соответствии со ст. 395 ГК РФ. Обратимся к судебной практике.

Судебная коллегия по экономическим спорам при Верховном суде РФ в определении № 305–ЭС17–7967 от 02.10.2017 г. пришла к выводу, что при возврате денежных средств по недействительной сделке одновременное взыскание неполученных доходов и процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ не допускается. Материалы дела № А40–161514/20141, по заявлению конкурсного управляющего организации-должника банковские операции по списанию денежных средств со счета должника в пользу банка по кредитному договору на основании ст. 61.3 Закона о банкротстве признаны недействительными [60]. Также были применены последствия недействительности сделки, в соответствии с которыми банк вернул в конкурсную массу должника денежные средства спустя два года после их списания. Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с требованием возмещения организации – должнику неполученных доходов в соответствии с положениями ст. 1107 ГК РФ и начисления процентов по ст. 395 ГК РФ, поскольку, по мнению конкурсного управляющего, на момент совершения списания денежных средств с расчетного счета должника банк знал о недействительности данных сделок. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций удовлетворили требования конкурсного управляющего как в части возмещения доходов, которые банк получил за период пользования чужими денежными средствами (по мнению судов, банк имел возможность выдавать коммерческие кредиты по средней учетной ставке 18 %), так и в части начисления процентов по ст. 395 ГК РФ.

В случае же взыскания доходов, которые лицо получило за счет неосновательно сбереженных средств, на истце лежит бремя доказывания, что это лицо действительно получило эти доходы. В рассматриваемом случае таких доказательств представлено не было. Суды нижестоящих инстанций просто применили среднюю учетную ставку за период. Более того, по мнению Верховного Суда, сама по себе выдача кредита под определенный процент не гарантирует получение дохода в соответствующем размере. Логично предположить, что дальнейшая судебная практика по аналогичным спорам будет разрешаться при максимально возможном предоставлении истцами доказательств получения ответчиком дохода в результате неосновательного сбережения

денежных средств. Говоря о возмещении убытков, нельзя не отметить и отказ в их возмещении по решению суда по причине признания сделки недействительной до начала реализации сделки.

Например, дело № А53–16480/20161[58]. Индивидуальный предприниматель обратился в Арбитражный суд Ростовской области с иском к муниципальному образованию «Город Новошахтинск». Исковые требования мотивированы следующим. Комитетом по управлению имуществом администрации г. Новошахтинска были проведены торги в форме аукциона по продаже нежилого помещения. Победителем указанного аукциона стал индивидуальный предприниматель, с ним был заключен договор купли-продажи. Постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2012, указанные торги и договор признаны недействительными, применены последствия недействительности сделки. Ответчиком денежные средства в порядке реституции были возвращены со значительной задержкой, что является основанием для применения к нему ответственности, предусмотренной статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации. Кроме того, с 01.07.2011 спорное помещение было передано предпринимателем во владение ООО «Новотэк» по договору аренды № 1, в рамках которого общество внесло арендных платежей на сумму 1 305 000 руб. Решением Арбитражного суда Ростовской области по делу № А53–28500/2013 от 15.05.2015, вступившим в законную силу 13.11.2015, с предпринимателя в пользу ООО «Новотэк» было взыскано 1 305 000 руб. неосновательного обогащения. Указанная сумма, по мнению Павленко Ю.В., является его убытками в виде упущенной выгоды. Как правильно указал суд первой инстанции, получив в собственность по ничтожной сделке помещение, истец не вправе был сдавать помещение в аренду обществу с ограниченной ответственностью «Новотэк», соответственно, не вправе был принимать арендную плату от общества с ограниченной ответственностью «Новотэк».

В данном случае факт государственной регистрации права собственности предпринимателя на нежилое помещение, которое ему никогда не принадлежало на законном основании, не имеет значения для правильного разрешения существующего спора. Отсюда следует, что убытки, связанные с реализацией сделки, признанной, до этого, судом недействительной, не будут возмещены по решению суда. Рассмотрим такое явление как начисление процентов при реституции, а именно при несинхронном взаимном возврате представлений по сделке. Взаимный возврат сторонами предоставлений должен быть осуществлен одновременно. В связи с этим начисление процентов по правилам ст. 395 ГК РФ на возвращаемые суммы производиться не должно (п. 55 ППВС № 71).

Рассмотрим конкретный пример. В связи с этим такой фактор, как синхронность осуществления возврата сторонами полученного по недействительной сделке, является немаловажным обстоятельством, оцениваемым судом при разрешении вопроса о начислении процентов по правилам ст. 395 ГК РФ. Например, согласно постановлению 15-го ААС от 25.11.2016 по делу № А53–16480/20161 сторона, осуществившая возврат позже

другой стороны, на проценты претендовать не может. П. 56 ППВС № 7 в дополнение к этому указывается: если одна сторона уже сделала возврат по сделке, а вторая не вернула ей соответствующую сумму, то с момента указанного возврата начинают исчисляться проценты по правилам ст. 395 ГК РФ.

Итак, подводя итог вышесказанному. Понятия размер ответственности и объем ответственности являются дискуссионными, но всегда связаны с количественной величиной причиненного ущерба, выраженного в конкретных качественно эквивалентных формах, которую в соответствии с законом виновная сторона обязана предоставить потерпевшему, с тем, чтобы полностью устранить отрицательные последствия у последнего, образовавшиеся в результате причинения вреда его материальным благам. Кроме реституции как последствия недействительной сделки имеют место быть и такие дополнительные последствия как возмещение реального ущерба, убытков, а также выплата процентов в связи с неосновательным обогащением. Дополнительные последствия применяются в установленном законом порядке и требуют обязательного доказывания.

Выводы по разделу 1

Гражданско-правовая сделка является наиболее распространенным юридическим фактом, на основании которого возникают гражданские права и обязательства.

В сделках выражаются различные имущественные отношения как между организациями, так и между этими организациями и гражданами, а также между гражданами.

Особенно важны сделки в сфере отношений собственности между коммерческими организациями. Здесь они выступают в качестве эффективного средства рыночной экономики.

Недействительной сделкой является любая сделка, которая не соответствует требованиям закона.

Так как закон, включая подзаконные акты, требует, чтобы истинная воля сторон к сделке была выражена в форме, подлежащих случаям форме, а также чтобы ее участники обладали дееспособностью, то нарушение одного из перечисленных условий влечет недействительность сделки.

Понятия размер ответственности и объем ответственности являются дискуссионными, но всегда связаны с количественной величиной причиненного ущерба, выраженного в конкретных качественно эквивалентных формах, которую в соответствии с законом виновная сторона обязана предоставить потерпевшему, с тем, чтобы полностью устранить отрицательные последствия у последнего, образовавшиеся в результате причинения вреда его материальным благам.

Кроме реституции как последствия недействительной сделки имеют место быть и такие дополнительные последствия как возмещение реального ущерба, убытков, а также выплата процентов в связи с неосновательным обогащением. Дополнительные последствия применяются в установленном законом порядке и требуют обязательного доказывания.

2 НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЗАКОНУ ИЛИ ИНЫМ ПРАВОВЫМ АКТАМ, И СОВЕРШЕННЫХ С ЦЕЛЬЮ, ПРОТИВНОЙ ОСНОВАМ ПРАВОПОРЯДКА ИЛИ НРАВСТВЕННОСТИ

Согласно ст. 169 ГК РФ ничтожной является сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности. Такая сделка влечет последствия, установленные ст 167 ГК РФ. В случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом.

Как разъяснил Пленум ВС РФ в п. 85 постановления от 23.06.2015 № 25 в качестве сделок, совершенных с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К названным сделкам могут быть отнесены, в частности:

- сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т. п.);
- сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду;
- сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми.

Конституционный Суд РФ в определении от 08.06.2004 № 226–О указал, что понятия «основы правопорядка» и «нравственность», как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика, однако они не являются настолько неопределенными, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений. Квалифицирующим признаком антисоциальной сделки является цель, то есть достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а заведомо и очевидно для участников гражданского оборота противоречит основам правопорядка и нравственности [30]. Антисоциальность сделки, дающая суду право применять ст. 169 ГК РФ, выявляется в ходе судопроизводства с учетом всех фактических обстоятельств, характера допущенных сторонами нарушений и их последствий.

Так, например, в судебной практике можно обнаружить примеры квалификации в качестве ничтожных по основанию, предусмотренному ст. 169 ГК РФ, сделок, по условиям которых жизнь и здоровье ставятся в зависимость от оплаты информации о существующей в отношении этих ценностей угрозы [28],

сделок, совершенных вопреки установленному порядку, и условием совершения которых являлось получение взятки.

Нередко доказательством наличия у стороны сделки прямого умысла на совершение сделки, цель которой заведомо противна основам правопорядка и нравственности, признается вступивший в законную силу приговор по уголовному делу. Однако сам по себе факт привлечения стороны сделки (руководителя стороны сделки) к уголовной ответственности по основаниям, связанным с совершением соответствующей сделки, не свидетельствует об антисоциальности сделки и ее ничтожности как заведомо противной основам правопорядка или нравственности.

Для применения ст. 169 ГК РФ необходимо установить, что цель сделки, а также права и обязанности, которые стороны стремились установить при ее совершении, либо желаемое изменение или прекращение существующих прав и обязанностей заведомо противоречили основам правопорядка или нравственности, и хотя бы одна из сторон сделки действовала умышленно. Нарушение же стороной сделки закона или иного правового акта, в частности уклонение от уплаты налога, само по себе не означает, что сделка совершена с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности [27].

2.1 Вопросы практики применения ст. 168 ГК РФ

Признавая сделку недействительной в порядке ст. 168 ГК РФ, суд должен указать, какую именно норму она нарушает [60].

По смыслу статьи 168 Гражданского кодекса РФ «в случае признания сделки не соответствующей закону или иному правовому акту, должны быть указаны конкретные требования (нормы) закона или иных нормативных актов, в связи с нарушением которых сделка является ничтожной» [60].

Даже если закон прямо не предусматривает в качестве последствия его нарушения ничтожность сделки, она может быть признана таковой в порядке ст. 168 ГК РФ.

Договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность.

Ничтожной является сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Вне зависимости от указанных обстоятельств законом может быть установлено, что такая сделка оспорима, а не ничтожна, или к ней должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (пункт 2 статьи 168 ГК РФ). Договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность.

Договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность.

Применение ст. 168 ГК РФ не ставится в зависимость от времени, когда стороны узнали о ее противоречии закону.

Судебная коллегия считает необходимым отметить, что статья 168 Гражданского кодекса РФ каких-либо ограничений для признания сделки недействительной, связанных с моментом, когда сторона сделки узнала о противоречии сделки закону, не содержит.

Неуказание судом в решении о признании недействительной сделки на основании ст. 168 ГК РФ конкретных положений действующего законодательства, нарушаемых заключенным договором, влечет отмену данного решения [16].

«При удовлетворении требований о признании договоров залога недействительными суд исходит из того, что договоры залога и ипотеки, заключенные в обеспечение кредитного договора между истцом и ОАО, при условии внесения изменений в кредитный договор, признаются недействительными в силу статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации. Между тем статья 168 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит лишь общие положения» [16].

Ограничившись формальной ссылкой на приведённую выше норму Гражданского кодекса Российской Федерации, суд не привел в решении, какие именно положения действующего законодательства нарушают заключенные в обеспечение кредитного договора договоры залога, что позволило бы сделать вывод об их ничтожности.

Сделка подлежит признанию недействительной по ст. 168 ГК РФ и в том случае, если она не соответствует общим началам и смыслу гражданского законодательства.

Сделка может быть признана недействительной по ст. 168 ГК РФ и тогда, когда она не соответствует общим началам и смыслу гражданского законодательства.

В целях ст. 168 ГК РФ под публичными интересами следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан и охраны окружающей природной среды [19, с. 187].

Применительно к статьям 166 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды.

Несоответствие сделки законодательству само по себе не свидетельствует о том, что имеет место нарушение публичных интересов.

Само по себе несоответствие сделки законодательству или нарушение ею прав публично-правового образования не свидетельствует о том, что имеет место нарушение публичных интересов [16].

Применение ст. 168 ГК РФ при злоупотреблении правом.

В зависимости от обстоятельств дела, суд может признать недействительной сделку, совершенную с нарушением запрета, предусмотренного п. 1 ст. 10 ГК РФ.

Если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (пункты 1 или 2 статьи 168 ГК РФ).

Если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (пункты 1 или 2 статьи 168 ГК РФ) [20, с. 149].

Недостижение должником цели реструктуризации долга не свидетельствует о злоупотреблении правом со стороны кредитора, соответственно отсутствуют основания для признания сделки недействительной по ст. 168 ГК РФ [60].

При разрешении вопроса о наличии со стороны банка злоупотребления правом как основания для признания сделки недействительной в силу статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации судом апелляционной инстанции не учтена направленность совокупности сделок (кредитного договора, договора займа и договора уступки, договоров поручительства) на реструктуризацию долга компаний в целях защиты экономических интересов объединяющей их группы. Недостижение компаниями этой цели не может быть обосновано злоупотреблением правом со стороны банка.

Условия договора, подлежащие признанию ничтожными в порядке ст. 168 ГК РФ.

Отдельное соглашение или условие о возмещении убытков, включенные в текст договора, могут быть признаны недействительными в соответствии со ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации, после чего они не повлекут последствий, к которым они были направлены.

Заранее установленные условия договора о неприменении или ограничении применения ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации признаются ничтожными на основании ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Неустойка, подлежащая уплате в установленном законом или договором порядке, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, может быть уменьшена в судебном порядке (пункт 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Установление в договоре об отчуждении исключительного права, подлежащего государственной регистрации, иного момента перехода исключительного права, кроме как с момента государственной регистрации этого договора, влечет его ничтожность в порядке ст. 168 ГК РФ.

Согласно пункту 4 статьи 1234 ГК РФ исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации переходит от правообладателя к приобретателю по общему правилу, если соглашением сторон

не предусмотрено иное, в момент заключения не подлежащего регистрации договора об отчуждении исключительного права.

Если же такой договор подлежит государственной регистрации, то момент перехода исключительного права определяется в силу закона императивно – моментом государственной регистрации этого договора. Условие подлежащего государственной регистрации договора об отчуждении исключительного права, устанавливающее иной момент перехода исключительного права, с учетом положений статьи 168 ГК РФ ничтожно.

Условие договора потребительского кредита, о выплате комиссии за ведение ссудного счета, независимо от того, как определяется ее сумма, признается ничтожным, поскольку прямо запрещено законом [26].

В то время как ведение ссудного счета не является услугой по смыслу ст. 779 ГК РФ, поскольку непосредственно не создает для клиента банка какой-либо отдельной имущественной выгоды, не связанной с заключенным сторонами кредитным договором или иным благотворным эффектом, условие договора об уплате комиссии за ведение ссудного счета, не зависящее от оставшейся задолженности заемщика перед банком, является недействительным [18, с. 268]. Суммы, уплаченные заемщиком во исполнение такого условия договора, подлежат возврату на основании п. 2 ст. 167 ГК РФ.

Установление подобных комиссий в договорах потребительского кредита вне зависимости от того, каким образом определяется их сумма, прямо запрещено п. 17 ст. 5 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353–ФЗ «О потребительском кредите (займе)», в силу чего на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ соответствующее условие является ничтожным.

Требование истца о возврате уплаченных Банку: комиссионного вознаграждения за расчетное обслуживание, комиссия за выдачу наличных средств, комиссии по страхованию предъявлено истцом в качестве последствия недействительности (ничтожности) части сделки, а именно ничтожности условия кредитного договора о взимании таких комиссий, как противоречащих закону и ущемляющих права потребителя (ст. 168 ГК РФ, ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей»).

Условие договора, предусматривающее возможность ежеквартального изменения размера арендной платы, признается ничтожным на основании ст. 168 ГК РФ [16].

Суд первой инстанции удовлетворил иск, указав, что пункт 3 статьи 614 ГК РФ содержит императивную норму в отношении периодичности изменения размера арендной платы, в связи с чем стороны не могут изменить или установить в договоре условие, отличное от предусмотренного данной нормой. Поэтому условие договора, предусматривающее возможность ежеквартального изменения размера арендной платы, является ничтожным в силу статьи 168 Кодекса как не соответствующее закону (пункт 3 статьи 614 ГК РФ).

2.2 Проблемы гражданско-правового регулирования недействительности сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка или нравственности

На сегодняшний день недействительными признаются сделки, не соответствующие требованиям закона или иных правовых актов, а также состав недействительных сделок, отраженный в ст. 169 ГК РФ. Несмотря на это сходство, последствия применения этих статей различны: п. 2 ст. 167 ГК РФ – восстановление в прежнем состоянии (двусторонняя реституция), а ст. 169 ГК РФ – зачисление на определенных условиях всего полученного в доход РФ.

Следует отметить, что сделка, совершенная с целью, противоречащей основам правопорядка или морали, является ничтожной, а по действующему законодательству недействительной, независимо от того, признается ли она таковой в суде.

Таким образом, в рамках данного исследования хотелось бы обратить внимание на проблему, возникшую при применении ст. 169 Гражданского кодекса на практике. Проблема заключается в том, что в названии этой статьи при классификации сделки используется связующий союз «и» («недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности»). Но в первом предложении пункта 1 этой статьи уже говорится о недействительности сделки, которая была совершена в целях, противоречащих либо основам правопорядка, либо основам нравственности, иными словами, здесь используется «или». Представляется целесообразным разрешить это противоречие на основе текста статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, а не из его названия.

В соответствии с содержанием статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации: «предметом правоотношений являются законы и иные правовые акты, призванные определить, что законодатель понимает под достаточно широкими, но недостаточно конкретными терминами“ основы правопорядка «и» основы нравственности» [60]. Это относится к сделкам, которые подпадают под категорию спорной государственной политики в данной стране. То есть при толковании содержания основ законности или морали законодатель не обязательно отождествляет понятия «верховенство права «и» общественный порядок», не говоря уже о моральных ценностях, лежащих вне правового поля. Также обращают внимание на еще один нюанс М.И. Брагинский и В.В. Витрянский: «такая сделка автоматически должна одновременно вступать в противоречие с нормами Уголовного кодекса».

Понятие «основы правопорядка и нравственности» не имеет официального определения. Судебная практика отмечает абстрактность понятия «основы правопорядка» и неясность термина «нравственность». Но Конституционный Суд Российской Федерации утверждает, что они имеют вполне конкретное содержание. И указывает в своем Определении от 8 июня 2004 г. № 226–О КС РФ: «Понятия «основы правопорядка» и «нравственность», как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их

трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика, однако они являются настолько неопределенными, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений. Антисоциальность сделки, позволяющая суду применять данную норму Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляется в ходе судопроизводства с учетом всех фактических обстоятельств, характера допущенных сторонами нарушений и их последствий» [25].

Как показывает опыт других стран, определение круга законов, закрепляющих основы верховенства права и / или морали, а также формулирование самих норм, особенно в отношении моральных основ, является трудной задачей. Кроме того, можно согласиться с мнением А.П. Белова: «даже в случае отождествления правового и публичного порядков, нельзя сделать вывод с достаточной точностью, о каких императивных нормах, соответствующих публичному порядку, может идти речь в соответствующей стране» [17, с. 58], поскольку, как правило, в большинстве стран, даже несмотря на процесс глобализации, подходы к обозначению и толкованию этого понятия различаются.

Например, в Италии, Португалии, Таиланде, Японии, Венесуэле и Англии термин публичная политика активно используется законодателем, но определение этого термина отсутствует в нормативных правовых актах этих стран, законодательные принципы политической системы Кубы и Вьетнама, наоборот, можно проследить отрицание категории «общественный порядок» и замену его другим понятием. В Германии определение общественного порядка дается в основных принципах германского права, а также основах права через категорию «принципы права».

Возможно, наиболее подробное определение государственной политики закреплено в Объединенных Арабских Эмиратах, где определение государственной политики изложено в статье 3 Закона о гражданских сделках 1985 года: «публичный порядок считается включающим вопросы, относящиеся к личному статусу, такие как брак, наследование и происхождение, а так же вопросы, относящиеся к суверенитету, свободе торговли, обращению материальных ценностей; правила частной собственности и другие правила и установления, на которых базируется общество, таким образом, которые не противоречат характерным положениям и основополагающим принципам исламского шариата» .

В российском законодательстве четкое определение общественного порядка приведено в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 156 от 26 февраля 2013 года «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений», где было сказано, что публичный порядок это – «фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства» [15].

В законодательстве Российской Федерации это понятие публичного порядка, абстрактно данное Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, уточняется только с помощью положений публичного порядка, закрепленных в различных кодексах (например, статья 167 СК РФ, статья 1193 Гражданского кодекса РФ и др.). Так, в Семейном кодексе речь идет о противоречии в порядке применения норм, а в Гражданском кодексе о противоречии в последствиях применения норм.

С учетом всех трудностей, возникающих в этой ситуации, было бы целесообразно если бы законодатель сам определил круг законов, закрепляющих «основы правопорядка».

Фактически, цивилисты неоднократно пытались определить перечень недействительных сделок, совершенных с целью, противоречащей основам законности, и указать рекомендации к ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации в отношении составов незаконных сделок, имеющих особую (повышенную) степень публичного вреда, но эти попытки еще не были законодательно закреплены, что не менее актуально. Этот список выглядит так:

- «нарушающие государственную монополию;
- нарушающие правовой режим определенных видов деятельности;
- нарушающие режим осуществления изъятых из оборота или ограниченно оборотоспособных объектов правоотношений;
- направленные на извлечение доходов от запрещенных видов деятельности» [15].

Изучение и развитие этой идеи в будущем представляется весьма перспективным, так как зачастую очень сложно привлечь к уголовной ответственности из-за отсутствия либо состава преступления или ряда других объективных причин. А предложенный состав недействительных сделок открывает возможность взыскания убытков и иного ущерба, причиненного такими нарушителями, и всего полученного от сделки в доход государства.

Конечно, понятия «правопорядок» и «публичный порядок» имеют много общих черт. Правовые нормы, собранные в соответствии с регулируемыми ими общественными отношениями, регулируют модель поведения как в сфере общественных, так и в сфере частных отношений. Кроме того, есть правовые нормы, не только социального, но и технического характера. Высказывая своё мнение по этому вопросу А. Шляпочников: «предлагал включить в сферу общественного порядка все общественные отношения, возникающие в результате соблюдения правил... общежития, нравственных и правовых законов...» Однако, это очень широкое толкование данного термина, и мы можем говорить только о нормах корпоративной этики. Морально-правовые принципы и ориентиры национального значения скорее классифицируются как общественный порядок.

Таким образом, правопорядок и публичный порядок лишь частично совпадают в сфере общественных отношений, регулируемых правовыми нормами. В противном случае их сфера состоит из других, не совпадающих друг с другом отношений.

Исходя из вышеизложенного, законодателю следовало бы более четко сформулировать, нарушение каких именно норм и положений в отношении договорных отношений, по крайней мере в имущественной сфере, является основанием для применения ст. 169 ГК РФ. В противном случае в результате выявленных недостатков правоприменитель вправе толковать закон по своему усмотрению. Как было отмечено выше, судебная практика сложилась таким образом, что, несмотря на наличие оснований для применения ст. 169 Гражданского кодекса, суды часто квалифицируют такие сделки как нарушающие основы общественного порядка (статья 169 Гражданского кодекса Российской Федерации), но как не отвечающие требованиям закона (Статья 168 Гражданского кодекса Российской Федерации). Естественно, при таких обстоятельствах возникнут и другие правовые последствия. Перефразируя профессора А.Н. Никиташину, отметим, что «точно так же как любое здание, дом имеет свой фундамент» [32, с.96], поэтому деятельность правоохранителя должна основываться на точных формулировках закона, где это возможно.

Во избежание такой идентификации сделок следует обратить внимание на то, что обстоятельством, которое должно быть установлено судом, должна быть цель, ради которой были совершены эти сделки, в нашем случае это означает цель, противная основам правопорядка или нравственности.

Однако это еще не все, необходимо также определить: должна ли такая сделка обязательно противоречить закону, или признать ее недействительной по ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации является достаточной целью участников сделки, противоречащей основам правопорядка или нравственности?

Некоторые авторы считают главной и достаточной причиной целью участников сделки. По мнению цивилиста Н.Д. Шестаковой: «для признания сделки недействительной на основании ст. 169 ГК РФ достаточно, чтобы даже один из участников сделки преследовал цель, противную основам правопорядка либо нравственности, но сделка при этом может и не противоречить требованиям закона» [45, с. 54]. Аналогичную позицию занимает О.В. Гутников.

Авторы приходят к такому выводу, поскольку в статье 169 Гражданского кодекса Российской Федерации отсутствуют указания на необходимость признания сделки недействительной. В подтверждение своей точки зрения они ссылаются на статью 168 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой четко изложена эта причина, отсюда логический вывод, который законодатель не имел оснований повторять.

Однако это мнение имеет один существенный недостаток: если за условие недействительности сделки по статье 169 Гражданского кодекса Российской Федерации принимается только цель участников, то происходит необоснованное расширение сферы применения данной статьи. В этом случае можно будет признать недействительной по ст. 169 любую сделку по продаже товара с полной оборачиваемостью, если она была приобретена с целью совершения противоправных действий.

Выше уже упоминалось, что один из участников сделки зачастую может не иметь представления о том, какую цель преследует другая сторона в сделке.

Следовательно, если для квалификации сделки по ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации взять за основу только одну цель контрагента, тогда добросовестная сторона в этой сделке несправедливо понесет последствия ее недействительности.

В то же время хотелось бы обратить внимание на то, что не каждый покупатель признается добросовестным по оплаченной сделке, а только тот, кто своими действиями доказывает, что до заключения сделки он проявил должную осмотрительность и не только проверил все необходимые документы контрагента, в том числе запись в ЕГРП, но и установил родственные, трудовые и дружеские отношения заинтересованных в сделке лиц, а также ценовые преференции на рынке товаров (работ, услуг), что будет указывать на отсутствие элементов незаконности в его действиях.

Таким образом, если взять совокупность оснований для признания сделки недействительной, то есть незаконную цель и нарушение основ правопорядка или морали в государстве, которые будут так или иначе закреплены, то даже контрагент, не имеющий представления о непосредственной цели другого участника, будет юридически страдать от последствий, связанных с ее недействительностью.

Следовательно, толкование норм статьи 169, в результате которого единственной существенной остается цель сделки, не является оправданным и обоснованным.

Само понятие морали, и особенно ее основание, не должно быть аморфным, иначе возникнет свобода мысли и злоупотребление правом, что вызывает нарушение стабильности гражданского оборота.

Таким образом, применение нормы статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации возможно только в том случае, если в совокупности у стороны сделки имеется цель, противоречащая основам законности или морали, а также нарушение норм закона или иных актов, в которых эти принципы закреплены.

Нарушения закона и иных правовых актов в этой ситуации предусматривают нарушение требований правовых норм, устанавливающих основы правопорядка или нравственности. Однако, как отмечалось выше, юриспруденция не редко пренебрегает этой позицией.

Можно сформулировать первый абзац статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации в следующей редакции: «сделка, нарушающая требования правовых норм, устанавливающих основы правопорядка или нравственности, ничтожна» такая формулировка поможет избежать разночтений при толковании данного положения и защитит правоприменителя от необоснованных злоупотреблений.

Выводы по разделу 2

Статья 168 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает общие основания недействительности сделок, не отвечающих требованиям закона

или иных правовых актов. По общему правилу такая сделка считается недействительной, если законом не установлено, что она оспаривается или не предусмотрены иные последствия нарушения. Определенные трудности возникают при определении того, какие законы и правовые акты должны соответствовать сделке, чтобы считаться действительными. Вопрос стоит как с точки зрения уровня законов (правовых актов), так и с точки зрения их отраслевой принадлежности.

В соответствии с законами, которые должны соответствовать сделке, Гражданский кодекс применяется только к федеральным законам (п. 2 ст. 3 ГК РФ). Следовательно, буквальное толкование ГК РФ приводит к тому, что несоответствие сделки законодательству субъекта Российской Федерации не может быть основанием для признания такой сделки недействительной.

Следует отметить, что «иные правовые акты», которым должна соответствовать сделка, понимаются в Гражданском кодексе не просто как акты федерального уровня, а как указы президента и постановления Правительства Российской Федерации. Подзаконные нормативные акты федеральных министерств и ведомств, а также иные правовые акты субъектов Федерации и органов местного самоуправления в соответствии с Гражданским кодексом не относятся к «иным правовым актам» (п. 6 ст. 3 ГК РФ). При этом все правовые акты, в том числе федеральные нормативные правовые акты (законы и подзаконные акты министерств и ведомств), нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также отдельные правовые акты различных уровней, исходя от органов государственной (муниципальной) власти и управления, издаются в соответствии с законом и в пределах своей компетенции подлежат исполнению всеми гражданами и юридическими лицами, к которым эти акты относятся.

«Ограничение этих актов только актами федерального уровня, вытекающими из норм Гражданского кодекса Российской Федерации, применяется только в целях определения нормативных правовых актов, которые могут регулировать гражданские отношения. Что касается иных правоотношений (административных, трудовых и др.), они могут регулироваться другими законодательными актами. Несоответствие сделки требованиям актов других отраслей законодательства также должно быть основанием для признания ее недействительной».

Таким образом, если соответствующие нормативные акты, изданные нижестоящими органами, основаны на законе, то несоблюдение этих актов в сделках, а также несоблюдение федеральных законов и иных правовых актов (по смыслу статьи 3 ГК РФ), регулирующих гражданские отношения, должно являться основанием для признания сделки недействительной. Видимо, судебная практика должна идти в этом направлении.

Объектом статьи 169 Гражданского кодекса являются законы и иные правовые акты, содержащие основы правопорядка или нравственности. Это относится и к операциям, которые осуществляются в нарушение общественного порядка в стране.

Для признания сделки недействительной на основании ст. 169 ГК РФ необходимо установить, что сделка была совершена с целью, противоречащей основам правопорядка или морали. При применении данного положения необходимо исследовать важную проблему, возникающую на практике: если сделка противоречит закону (иному правовому акту) или признана недействительной в соответствии со статьей 169 ГК РФ, достаточно ли для целей стороны сделки того, что противоречит принципам права или морали?

Применение положений статьи 169 ГК РФ возможно только в случае совершения сделки в совокупности с нарушением закона или иных правовых актов и если у стороны (сторон) имеется цель сделки, противоречащая основам законности, порядка или морали. Нарушение норм закона и иных правовых актов подразумевает в данном контексте нарушение требований правовых норм, устанавливающих основы правопорядка или нравственности.

3 НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК С ПОРОКАМИ ВОЛИ

3.1 Сделки, совершенные лицом, не способным понимать значение своих действий или руководить ими

В ст. 177 ГК РФ прописаны основополагающие аспекты о порядке аннулирования сделки, осуществленной гражданином, не располагающим возможностью понимать правильное значение своих деяний. Рассмотрим нормы закона касательно данного вопроса более детально.

Существуют определенные основания для установления недействительной сделки, осуществленной гражданином, не имеющим возможности понимания действительного значения своих поступков или руководства ими.

1. Договоры, на дату заключения которых гражданин не имел возможности понимать действительное значение своих деяний.

2. Контракты, на дату подписания которых физическое лицо предположительно было дееспособным, однако позже судебным органом был установлен статус недееспособности, но только в случае, если непонимание таким гражданином своих деяний и неспособность в должной степени руководить ими были доказаны в суде.

3. Сделки, на дату совершения которых гражданин имел статус дееспособного, но по последующему решению суда был ограничен в нем из-за наличия психического расстройства, но только в случае, если в суде была приведена доказательная база:

- неспособность лица осуществлять руководство своими поступками или понимать их истинное значение;
- контрагент располагал информацией о неспособности противоположной стороны договора понимать значение своих деяний, или о наличии психического расстройства.

При наличии вышеуказанных оснований и при определении контракта аннулированным, последствия наступают в порядке, установленном ст. 171 ГК РФ [24, с. 203].

В статье 177 ГК РФ речь идет о сделках с пороком воли, когда сторона сделки находилась в особом состоянии, препятствовавшем свободному волеизъявлению.

К таким сделкам законодатель относит сделки, совершенные лицом.

1. Дееспособным, но в момент совершения сделки пребывавшим в состоянии, в котором не было способно понимать значение своих действий или руководить ими.

2. Признанным уже после заключения сделки недееспособным или ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства, если на момент сделки такое лицо уже не было способно понимать значение своих действий и руководить ими. На момент совершения сделки при этом такое лицо формально было дееспособно без ограничений.

Отметим, что в ходе реформы гражданского законодательства Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ в текст статьи 177 ГК РФ было введено новое

основание для оспаривания сделки – совершение сделки лицом, которое впоследствии было признано ограниченным в дееспособности вследствие психического расстройства. Ранее действовавшие редакции статьи предусматривали только оспаривание сделки, если лицо признавалось недееспособным [59].

Указанные в пп. 1 и 2 статьи сделки являются оспоримыми, т. е. могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица.

Может возникнуть вопрос, почему при схожести обстоятельств в случаях, указанных в статье 177 ГК РФ устанавливается оспоримость сделок, если согласно п. 1 ст. 171 ГК РФ сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства, – ничтожна. Дело в том, что схожесть только поверхностная. В случае, указанном в ст. 171 ГК РФ, лицо уже официально признано недееспособным, т. е. установлена его неспособность самостоятельно без посторонней помощи осуществлять свои гражданские права и нести обязанности; такое лицо уже на момент совершения сделки не осознает свои действия, «порок воли» очевиден и подтвержден. В статье 177 ГК РФ речь идет о случае, когда на момент совершения сделки лицо формально дееспособно, не было веских оснований сомневаться в его способности осознавать последствия заключенной сделки, «порок воли» под вопросом и требует доказательства. Поэтому сделка является оспоримой и действительна, пока не доказано иное.

Для признания сделки недействительной по п. 1 статьи 177 ГК РФ необходимо доказать, что лицо, совершившее сделку, в момент ее совершения пребывало в состоянии, в котором:

- неспособно понимать значение своих действий;
- неспособно руководить своими действиями.

Понимание значения действий означает способность лица осознавать, какие конкретно действия оно совершает, каков их смысл, какие ожидаются последствия. Например, когда лицо подписывает договор дарения квартиры, оно должно осознавать, что, проставляя подпись на договоре, совершает действия, которые в конечном итоге приведут к лишению его права собственности на эту квартиру, к возможной потере права проживания в ней. Более того, такое лицо должно осознавать, что совершает именно сделку (важно осознавать возможность наступления юридических последствий). Лицо должно осознавать происходящие с ним действия (кто рядом с ним, где находится, что делает и т. п.), понимать бытовой смысл совершаемого (взял в руку ручку, поставил подпись на листе бумаги) [25, с. 73].

Руководство действиями означает наличие воли лица как на совершение действия, так и на его прекращение, возможность контролировать процесс совершения действия, сопротивляться давлению извне от третьего лица. Лицо может понимать значение своих действий, но не иметь возможности ими руководить. Например, человек может находиться в таком состоянии, когда полностью лишен возможности даже физически контролировать свои действия, но при этом осознавать смысл происходящего (например, определенные степени алкогольного или наркотического состояния, отдельные состояния при

определенных заболеваниях). Потому законодатель использует союз «или» при перечислении условий признания сделки недействительной по комментируемой статье, – достаточно установления только одного из указанных фактов. В то же время в большинстве случаев данные обстоятельства существуют одновременно.

Приведем пример из судебной практики. Признано недействительным решение о выходе участника из общества, поскольку согласно заключению судебно-психиатрической комиссии экспертов имевшееся у А. в юридически значимый период психическое расстройство лишало ее способности к адекватному формированию цели сделки, целенаправленной регуляции поведения при ее совершении, адекватному прогнозу ее последствий, ее волеизъявление было нарушено, поэтому А. была неспособна понимать значение своих действий и руководить ими в момент написания и подачи заявления о выходе из ООО и выплате ей действительной стоимости доли в уставном капитале (см. постановление ФАС Московского округа от 19 мая 2014 г. по делу № А40–64149/11) [57].

В отличие от случаев, указанных в статье 177 ГК РФ, в ситуациях совершения сделок под влиянием существенного заблуждения, обмана, насилия и т. п. (ст. 178, 179 ГК РФ), лицо, как правило, осознает, какие действия оно совершает. Оно может не понимать до конца правовые последствия и содержание своих действий, но «бытовую» суть осознает правильно («подписал какую-то бумагу»). При этом лицо способно руководить своими действиями, но это руководство может быть поражено, например, страхом под давлением третьего лица. Если на лицо воздействовало сразу несколько факторов, например, применение насилия с введением человека в состояние наркотического опьянения, при котором он утрачивал над собой контроль, то в таком случае возможна смешанная квалификация сделки как недействительной по мотивам и ст. 177 ГК РФ, и иной, например ст. 179 ГК РФ.

Впасть в состояние, указанное в статье 177 ГК РФ, человек может по разным причинам, как зависящим от него (например, алкогольное или наркотическое опьянение), так и не зависящим или частично зависящим (травма, врожденные особенности развития, заболевание, в т. ч. психическое). Одним из заблуждений на практике является мнение о том, что только психические заболевания могут привести к утрате человеком возможности понимать значение своих действий и руководить ими. На самом деле многие органические заболевания могут повлиять, в том числе обратимо, на эту способность, – например, некоторые заболевания сердечно-сосудистой системы, неврологические заболевания, травмы головы и т. п.; принимаемые лекарственные препараты также могут оказать существенное влияние на способность человека к осознанию своих действий в полной мере.

Между тем само по себе наличие заболевания (в т. ч. психического), травмы, особенностей развития не приводит автоматически к признанию сделки недействительной на основании комментируемой статьи. Даже тяжелые болезни могут протекать по-разному у разных людей и оказывать разное воздействие на психику и интеллект. Поэтому для признания сделки недействительной надо

доказать, что а) лицо действительно не понимало значение своих действий или не могло руководить ими и б) такое состояние наблюдалось именно на момент совершения сделки .

Обратимся к судебной практике. Опекун просила признать недействительной сделкой договор дарения, заключенный между предпринимателем и Комитетом по управлению имуществом города в 2006 г. Свои требования обосновывала тем, что предприниматель И.А.В. была признана недееспособной вследствие психического заболевания в 2013 году, а на учете в психоневрологическом диспансере состоит с 2012 г. Суд отказал в удовлетворении требований, поскольку опекун М. не представила доказательств, что И.А.В. в момент совершения оспариваемой сделки не была способна понимать значение своих действий или руководить ими. Договор заключен в 2006 г. до постановки И.А.В. на учет, признания ее недееспособной, после заключения договора аренды земельного участка И.А.В. осуществлялась предпринимательская деятельность, оплачивалась арендная плата за использование земельного участка, был заключен договор о реализации объекта. Данные обстоятельства, по мнению суда, опровергают доводы о том, что в период заключения спорной сделки И.А.В. страдала психическим заболеванием, лишаящим ее возможности понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделки. К тому же истцом был пропущен срок исковой давности (см. постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16 января 2015 г. по делу № А55–28605/2012) [49].

Оспаривать сделку по основанию, указанному в статье 177 ГК РФ, могут только определенные лица. В отношении сделок, совершенных дееспособным лицом, такое право предоставлено.

1. Самому лицу, совершившему сделку.

При этом из конструкции п. 1 статьи 177 ГК РФ следует, что достаточно доказать наличие порока воли, т. к. это уже само по себе нарушает право лица на свободное совершение сделки [1].

Срок давности по иску о признании недействительной сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий и руководить ими, начинает течь со дня, когда этот гражданин узнал или должен был узнать о заключении им данной сделки (п. 2 ст. 181 ГК РФ).

2. Иным лицам, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате совершения сделки.

При оспаривании сделки придется доказать не просто, что в момент совершения сделки одна из сторон действовала с пороком воли, но и то, что совершение сделки повлекло за собой нарушение прав или охраняемых законом интересов лица, которое оспаривает сделку.

В статье 177 ГК РФ не устанавливается конкретный перечень лиц, которые обладают правом на оспаривание сделки. Следовательно, любое лицо, чьи права либо законные интересы нарушены, может обратиться с соответствующим иском. Например, это могут быть наследники (п. 73 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»),

иные физические или юридические лица, а также публично-правовые образования.

Недееспособным признается лицо, которое вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. От имени гражданина, признанного недееспособным, сделки совершает его опекун, учитывая мнение такого гражданина. Самостоятельно распоряжаться своими правами и обязанностями недееспособный гражданин не может.

Ограниченным в дееспособности признается гражданин, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц. Ограниченно дееспособный гражданин может самостоятельно совершать некоторые сделки, в общем же случае сделки совершаются им с письменного согласия попечителя (объем дееспособности определен в п. 2 ст. 30 ГК РФ) [60].

Порядок и основания признания лица недееспособным или ограниченно дееспособным установлены в ст. 29, 30 ГК РФ и главой 31 ГПК РФ.

Основания для признания недействительной сделки, совершенной гражданами, которые впоследствии были признаны недееспособными либо ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства, предусмотренные в п. 2 статьи 177 ГК РФ, различаются.

Основанием для признания таковой сделки, совершенной гражданином, впоследствии признанным недееспособным, является доказанный факт того, что в момент совершения сделки у гражданина имелся порок воли, то есть он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими.

Если же гражданин был впоследствии признан ограниченным в дееспособности вследствие психического расстройства, основанием для признания совершенной им сделки недействительной будет совокупность доказательств, свидетельствующих, что:

- в момент совершения сделки гражданин не был способен понимать значение своих действий или руководить ими;
- другая сторона сделки знала или должна была знать об этом (то есть о наличии у гражданина порока воли при совершении сделки).

Признание гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным может осуществить только суд, так что наличие соответствующего судебного решения в обязательном порядке должно входить в круг доказательств по делу о признании сделки недействительной по п. 2 статьи 177 ГК РФ.

В отношении лиц, которые после совершения сделки впоследствии были признаны недееспособными или ограниченными в дееспособности вследствие психического расстройства, сделка может быть оспорена только опекуном или попечителем таких лиц соответственно [39, с. 12].

Основной задачей суда при рассмотрении дел по оспариванию сделок является установление действительной воли сторон. Применительно к сделкам, указанным в статье 177 ГК РФ, процесс доказывания предусматривает привлечение специалистов, обладающих специальными познаниями в соответствующей отрасли (психология, психиатрия, иные направления медицины и т. п.). Поэтому в

подобных делах обязательно должна назначаться экспертиза. В частности, на это указывается в абз. 3 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», согласно которому во всех случаях, когда по обстоятельствам дела необходимо выяснить психическое состояние лица в момент совершения им определенного действия, должна быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза, например, при рассмотрении дел о признании недействительными сделок по мотиву совершения их гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ) [49].

Уклонение от назначения экспертизы может послужить основанием для отмены вынесенного судебного акта по делу и направления дела на новое рассмотрение, поскольку суд, не обладая специальными познаниями в области медицины, не может самостоятельно оценить состояние лица в момент совершения сделки и без назначения экспертизы фактически уклоняется от обязанности всесторонне и полно исследовать все обстоятельства дела (см. определение Верховного Суда РФ от 6 июня 2017 г. № 9–КГ17–2, определение Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 58–КГ16–18) [49].

В то же время при рассмотрении дела суд может поставить на разрешение сторон вопрос о назначении экспертизы и, если они возражают против ее назначения, отказать в удовлетворении требований о признании сделки недействительной на основании отсутствия доказательств наличия порока воли при совершении сделки (см. определение Верховного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 81–КГ15–21).

Если результаты первоначальной экспертизы противоречивы, неопределенны, не позволяют однозначно ответить на вопрос о наличии или отсутствии порока воли при заключении сделки, суд должен назначить повторную или дополнительную экспертизу (см. определение Верховного Суда РФ от 25 августа 2015 г. № 46–КГ15–9, определение Верховного Суда РФ от 4 августа 2015 г. № 78–КГ15–19).

Однако экспертиза не всегда может помочь в установлении того, насколько лицо в момент совершения сделки могло осознавать свои действия или руководить ими, поскольку оценку состояния лица требуется провести спустя определенное (порой значительное) время от момента совершения сделки.

Рассмотрим пример судебной практики. Истец обратился в суд с иском с требованиями о признании недействительным завещания его матери Р., которым квартира матери завещана ответчикам (брату и сестре истца). Считал завещание недействительным, поскольку его мать не понимала значение своих действий при составлении завещания и не могла руководить ими вследствие болезни. Она перенесла два инсульта, после которых у нее сильно ухудшилось состояние здоровья, она не узнавала своих детей, ухудшилось зрение и движение рук.

Суд первой инстанции в иске отказал, т. к. Р. как собственник распорядилась своим имуществом, завещав его по своему усмотрению. Оснований для признания завещания недействительным или ничтожным не имеется, поскольку

доказательств, подтверждающих то, что она не понимала значение своих действий или не могла руководить ими при его составлении, не представлено.

Суд апелляционной инстанции согласился с таким выводом, т. к. в ходе рассмотрения дела была назначена посмертная комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, по результатам которой был сделан вывод, что Р. при жизни обнаруживала признаки органического психического расстройства сосудистого генеза со снижением психических функций и эмоционально-волевыми нарушениями, – на это указывают данные медицинской документации. Однако оценить степень выраженности интеллектуально-мнестических нарушений у Р. на интересующий суд период времени и решить экспертные вопросы не представляется возможным ввиду отсутствия сведений о ее психическом состоянии в медицинской документации на указанный период времени и в показаниях свидетелей.

Эксперт-психолог также указал в экспертном заключении, что судить о психологических факторах, влияющих на способность Р. к пониманию значений своих действий и руководству ими в юридически значимый период (подписания завещания) не представляется возможным из-за малой информативности свидетельских показаний и отсутствия необходимой информации для анализа сведений из медицинской документации, отсутствия экспертного решения врачей-психиатров [60].

Таким образом, как пояснила апелляционная коллегия, в деле не имеется достаточной совокупности доказательств для признания сделки недействительной. Сами по себе перенесенные заболевания Р. не свидетельствуют о том, что на момент заключения сделки она не понимала значение своих действий или не могла руководить ими (см. апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 5 марта 2015 г. по делу № 33–3328/2015).

Как видно из примера, несмотря на явные изменения в состоянии человека, которые привели в том числе и к снижению интеллекта, сами по себе такие изменения не привели к признанию сделки недействительной именно по причине недостатка доказательственной базы о состоянии лица на момент совершения спорной сделки. Потому суд в качестве доказательств может также исследовать помимо заключения эксперта и показания свидетелей, письменные доказательства, фото-, аудио-, видеоматериалы и т. п., то есть любые доказательства, которые могут пояснить состояние лица на момент совершения сделки. Эти же доказательства должны быть представлены для изучения и экспертам при проведении экспертизы.

Суд при оценке иных доказательств, помимо заключения экспертов, не вправе игнорировать результаты экспертизы, которая в силу своей специфики обладает большей доказательственной силой. Надо учитывать, что свидетели и иные лица, в том числе суд, не обладают специальными познаниями для оценки состояния лица при заключении сделки. Даже удостоверение сделки нотариусом не свидетельствует о том, что порока воли при заключении сделки не было (см.

апелляционное определение Московского городского суда от 26 августа 2016 г. по делу № 33–32323/2016) [50].

Обратимся еще к одному примеру из судебной практики. Суд округа направил дело на новое рассмотрение, указав, что действия нотариуса в момент совершения оспариваемой истцом сделки не являются бесспорным доказательством совершения ее в состоянии, когда лицо способно понимать значение своих действий, и без принуждения, потому нижестоящие суды обязаны были проверить установленными для этого способами доводы истца о заключении оспариваемой им сделки в состоянии, когда он не способен был понимать значение своих действий, и не должны были уклоняться от выяснения действительной воли сторон при ее совершении (см. постановление ФАС Московского округа от 22 марта 2013 г. по делу № А40–71972/12–34–639) [57].

В другом деле, не соглашаясь с заключениями первичной и повторной судебно-психиатрических экспертиз, суд первой инстанции сослался на показания свидетелей, по мнению которых наследодатель А. в период, относящийся к составлению завещания, была вменяемой, адекватной, ориентировалась во времени и в обстановке, не давала повода для подозрений о наличии у нее психического заболевания. Суд указал, что наличие у А. психического заболевания не свидетельствует о ее неспособности понимать значение своих действий и руководить ими. По мнению суда, оспариваемое завещание соответствовало волеизъявлению наследодателя. Суд апелляционной инстанции согласился с таким выводом.

Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ направила дело на новое апелляционное рассмотрение, поскольку установление факта наличия или отсутствия психического расстройства и его степени требует именно специальных познаний, каковыми, как правило, ни свидетели, включая удостоверившего завещание нотариуса, ни суд не обладают. В заключении экспертов по поводу показаний свидетелей указано, что показания свидетелей, знавших подэкспертную при жизни и характеризующих ее как психически здорового, нормального человека, не профессиональны, поверхностны и противоречат закономерностям клиники, течения и исхода шизофренического процесса. С этими выводами согласились и эксперты при проведении повторной экспертизы в ином экспертном учреждении (см. определение Верховного Суда РФ от 2 декабря 2014 г. № 24–КГ14–7).

Таким образом, если согласно заключению экспертов при проведении экспертизы состояние лица свидетельствовало о наличии «порока воли» при заключении сделки, то доказательства об ином имеют меньшую доказательственную силу. Если суд сомневается в точности экспертного заключения, то назначается повторная экспертиза (ч. 2 ст. 87 ГПК РФ, ч. 2 ст. 87 АПК РФ).

В случае признания сделки оспоримой по основаниям, предусмотренным ст. 177 ГК РФ, применяются правила, предусмотренные абз. 2 и 3 п. 1 ст. 171 ГК РФ [1], – двусторонняя реституция. Каждая из сторон такой сделки обязана возвратить другой все полученное в натуре, а при невозможности возвратить

полученное в натуре – возместить его стоимость. Дееспособная сторона обязана, кроме того, возместить другой стороне понесенный ею реальный ущерб, если дееспособная сторона знала или должна была знать о недееспособности другой стороны.

В п. 2 ст. 171 ГК РФ содержится положение о том, что в интересах гражданина, признанного недееспособным вследствие психического расстройства, совершенная им сделка может быть по требованию его опекуна признана судом действительной, если она совершена к выгоде этого гражданина. Аналогичного положения в тексте ст. 177 ГК РФ нет в связи с тем, что сделки, указанные в ст. 171 ГК РФ ничтожны, в то время как рассматриваемая категория сделок оспорима, то есть признается недействительной не с момента совершения, а после вынесения судом соответствующего решения.

Таким образом, устанавливая обстоятельства недействительности сделки по ст. 177 ГК РФ, суд может прийти к выводу о выгодности сделки, указанной в пп. 1 и 2 ст. 177 ГК РФ, для заключившего ее лица. Норма данной статьи не регламентирует последствия установления такого факта, определяя условия, когда сделка признается недействительной. Однако ответчик по делу не лишен возможности предоставлять соответствующие доказательства и выдвигать доводы о выгодности сделки, а суд не лишен возможности использовать иные, предусмотренные ГК РФ, механизмы для вынесения правосудного и справедливого решения, в частности, оценивая действия истца на предмет их добросовестности и отсутствия признаков злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ), применяя соответствующие последствия, в т.ч. в форме отказа в удовлетворении искового требования. Одновременно, на наш взгляд, следует отметить сомнительность использования института злоупотребления правом при доказанности порока воли.

При рассмотрении гражданского дела о признании сделки недействительной суд должен в совокупности исследовать все обстоятельства и средства доказывания (показания свидетелей, аудио-, видеозапись и т. д.), поскольку, как уже было сказано, состояние лица, совершившего сделку, связано не только с расстройством психики.

Для признания сделки, совершенной в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, недействительной неважно, сам гражданин ввел себя в такое состояние или другие лица. Интересен в этом плане сравнительный анализ исследуемой нормы с положениями ст. 1078 ГК РФ. Ее пункт первый гласит: «Дееспособный гражданин или несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, причинивший вред в таком состоянии, когда он не мог понимать значения своих действий или руководить ими, не отвечает за причиненный им вред». Исключения составляют случаи, когда вред причинен жизни или здоровью потерпевшего и суд может возложить обязанность по возмещению вреда полностью или частично на причинителя вреда. При этом учитываются имущественное положение потерпевшего и причинителя вреда, а также другие обстоятельства дела.

Достаточно дискуссионным является и вопрос о том, возможно ли применение ст. 177 ГК РФ к юридическим лицам. С точки зрения одних, данная статья может применяться к названным субъектам по аналогии закона. По мнению других, речь идет о расширительном толковании положений ст. 177 ГК РФ, поскольку юридические лица всегда заключают сделки посредством граждан, имеющих соответствующие полномочия от имени юридического лица. Законодатель упоминает о «сделке, совершенной гражданином», – от чьего имени он ее совершил, в законе умалчивается. В качестве аргумента названо и другое положение: право оспаривать совершенную сделку предоставляется не только гражданину, непосредственно ее совершившему, но и иным лицам, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены.

Итак, сделка, совершенная гражданином в состоянии, когда он не мог осознавать фактический характер своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску самого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения. Ими могут быть члены семьи, наследники по закону и т. д. При этом следует учитывать, что сделка может быть совершена лицом, которое в момент ее заключения не было признано в судебном порядке недееспособным, но уже страдало психическим расстройством.

Исследование отдельных аспектов правового регулирования признания недействительными сделок, совершенных гражданами, которые не могут осознавать значение своих действий либо руководить ими, выявило пробелы действующего гражданского законодательства, которые негативным образом сказываются на правоприменительной практике. Дальнейшая разработка данной проблематики будет способствовать совершенствованию норм гражданского права.

3.2 Сделки, совершенные под влиянием заблуждения

В статье 178 ГК РФ предусмотрено, что сделка, совершенная под влиянием заблуждения, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием существенного заблуждения. По-новому (по сравнению с редакцией статьи, действовавшей до 01.09.13) определена существенность заблуждения [59].

В положениях п. 2 статьи 178 ГК РФ приведен перечень обстоятельств, позволяющих предполагать заблуждение достаточно существенным при наличии условий, предусмотренных п. 1 данной статьи:

- сторона допустила очевидные оговорку, опечатку, опечатку и т. п.;
- сторона заблуждается в отношении предмета сделки, в частности таких его качеств, которые в обороте рассматриваются как существенные;
- сторона заблуждается в отношении природы сделки (т. е. правовых последствий, на которые она направлена);

- сторона заблуждается в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного со сделкой;
- сторона заблуждается в отношении обстоятельства, которое она упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку.

Как видно, не любое заблуждение позволяет оспаривать сделку, а только то, которое послужило причиной ее заключения. В ГК РФ приведен примерный перечень наиболее типичных случаев, отвечающих критериям, закрепленным в генеральном правиле; во всех этих случаях презюмируется существенный характер заблуждения, если только не будет доказано иное (т. н. опровержимая презумпция). При этом в статье не конкретизировано, идет ли речь только о заблуждениях в фактах и технических ошибках или имеется в виду также неверное понимание норм права [26, с. 19].

Пункт 3 статьи 178 ГК РФ [1] устанавливает, что заблуждение относительно мотивов сделки не является достаточно существенным для признания сделки недействительной. Мотивы лежат вне сделки, они могут быть разнообразными, всякий раз образуя индивидуальный случай. Учет мотивов сделки при определении ее недействительности может повредить устойчивости имущественного оборота.

Положения п. 4 и 5 статьи 178 ГК РФ предусматривают случаи отказа судом в иске о признании недействительной сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения:

- в соответствии с п. 4 ст. 178 ГК РФ сделка не может быть признана недействительной в том случае, если другая сторона выразит согласие на сохранение силы сделки на тех условиях, из представления о которых исходила сторона, действовавшая под влиянием заблуждения. При этом предусмотрено, что в данном случае суд, отказывая в признании сделки недействительной, указывает в своем решении эти условия сделки;
- в п. 5 ст. 178 ГК РФ предусмотрено, что суд может отказать в признании сделки недействительной, в случае если заблуждение, под влиянием которого действовала сторона сделки, было таким, что его не могло бы распознать лицо, действующее с обычной осмотрительностью и с учетом содержания сделки, сопутствующих обстоятельств и особенностей сторон. В этом случае решение вопроса оставлено на усмотрение суда.

В положениях п. 6 статьи 178 ГК РФ определены последствия признания судом сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения, недействительной:

- к ней применяются правила, предусмотренные ст. 167 ГК РФ;
- существует обязанность стороны, по иску которой сделка признана недействительной, возместить другой стороне причиненный ей вследствие этого реальный ущерб. Исключение составляют случаи, когда другая сторона знала или должна была знать о наличии заблуждения, в т. ч. если заблуждение возникло вследствие зависящих от нее обстоятельств;

– предоставлено стороне, по иску которой сделка признана недействительной, право требовать от другой стороны возмещения причиненных ей убытков, но при условии, если докажет, что заблуждение возникло вследствие обстоятельств, за которые отвечает другая сторона. Понятие убытков определено в п. 2 ст. 15 ГК РФ, согласно которому под таковыми понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Рассмотрим несколько примеров из судебной практики. По одному из дел арендатор после заключения договора аренды помещения обнаружил из выписки ЕГРП, что помещение является подвальным, а значит не пригодно для использования его для целей арендатора. Суд отказал в признании сделки недействительной по мотиву существенного заблуждения, т. к. арендодатель проводил показ объектов, выставленных на аукцион, а значит арендатор при должной осмотрительности мог бы узнать о характеристиках помещения (п. 5 Обзора практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 162, далее по тексту – Обзор практики ВАС РФ от 10 декабря 2013 г.) [60].

В другом деле индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к Администрации города о признании недействительным договоров аренды земельных участков. В обоснование требований пояснил, что границы земельных участков, указанные в планах, являющихся приложениями к спорным договорам, содержат ошибки; расположение земельных участков, указанных в технической документации к аукционам на право заключения спорных договоров, не соответствует действительности. В связи с этим полагал, будто ответчик ввел истца в существенное заблуждение относительно предмета сделок в связи с ошибками, содержащимися в планах границ земельных участков, приложенных к технической документации аукционов и спорных договоров.

Решением суда первой инстанции, оставленным в силе апелляционным судом и судом округа, в удовлетворении требований было отказано.

При рассмотрении дела было установлено, что к моменту проведения аукционов земельные участки были сформированы, их границы установлены в соответствии с действующим законодательством. Согласно условиям договоров арендатор обязан установить объекты согласно прилагаемому к договору плану границ земельных участков. Предприниматель должен был самостоятельно обеспечить установку своих павильонов на предоставленных ему в аренду земельных участках. Вместе с тем истец не был лишен возможности узнать о состоянии, расположении и иных особенностях названных земельных участков до заключения договора.

При таких обстоятельствах суды указали, что при заключении спорных договоров истец не проявил требовавшуюся в таких обстоятельствах

осмотрительность, обычную для деловой практики совершения подобных сделок (см. постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 октября 2016 г. по делу № А74–5351/2015) [60].

Истец оспаривал заключенную сделку, ссылаясь на допущенную опистку в условиях договора; утверждал, что намеривался приобрести только здание, но не земельный участок под ним. В результате же заключения сделки и здание, и участок перешли в его собственность. Считал, что сделка заключена в таком виде вследствие существенного заблуждения. Суды отказали в удовлетворении требований, поскольку при исследовании договора установлено, что в нем содержатся условия, в которых последовательно оговаривается и передача права на участок истцу. В рассматриваемом споре, как пояснил суд первой инстанции, спорный пункт договора не может быть оценен судом как очевидная опистка (оговорка), поскольку его условия находят дальнейшее развитие в других пунктах договора (см. постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 27 января 2016 г. по делу № А73–7425/2015).

Заблуждение относительно предмета сделки (подп. 2 п. 2 статьи 178 ГК РФ) может быть различным: как о характеристиках предмета (например, помещения, передаваемого по договору аренды, подлинности драгоценного камня и т. п.), так и о самом предмете (например, вместо помещения передается иная вещь).

Новая редакция ряда норм Гражданского кодекса РФ о недействительности сделок вступила в силу 1 сентября 2013 г. Среди новелл можно выделить обновленную редакцию ст. 178 ГК об оспаривании сделки в связи с заблуждением. Чуть ранее ряд важных разъяснений в отношении применения ст. 178 ГК РФ дал Президиум ВАС РФ в Информационном письме № 162. Данная статья ГК РФ применяется российскими арбитражными судами не так часто. Но периодически и в российской практике возникают судебные споры об аннулировании сделок по этому основанию.

В 2013 г. Федеральным законом от 07.05.2013 № 100–ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в ГК РФ были внесены изменения, в результате которых в ст. 178 ГК РФ появилась норма (п. 5) о том, что суд может отказать в признании сделки недействительной, если контрагент является добросовестным и не мог распознать заблуждение противной стороны. Неопределенность данной нормы заключается как раз в слове «может». И возникает простой очень вопрос: можно ли говорить о том, что ст. 178 «Недействительность сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения» может быть применима только в тех случаях, когда контрагент понимал или должен был понимать, что его партнер находится в состоянии заблуждения?

Дополнительный критерий, направленный на сохранение стабильности оборота и учета интересов стороны, с которой другое лицо вступает в сделку под влиянием собственного заблуждения, предусматривается итальянским правом. Откуда и был заимствован. Задача стояла так: формулировки старой редакции ст. 178 ГК РФ были крайне неудачными, фактически «мертвыми». И хотя общая

идеология реформы гражданского законодательства заключалась в том, чтобы сократить возможности оспаривания сделок, в отношении ст. 178 стояла другая задача – сделать так, чтобы норма все-таки заработала. А поскольку, у нас страна крайностей, то законодатель ввел в ст. 178 своеобразный сдерживающий фактор, тот самый п. 5, который ныне вызывает столь много вопросов.

Положение п. 5 ст. 178 ГК РФ не только не свидетельствует о невозможности аннулирования сделки при добросовестности контрагента, а наоборот, подтверждает, что по общему правилу при добросовестности контрагента сделка под влиянием заблуждения признается недействительной. П. 5 ст. 178 ГК РФ предусматривает лишь возможность суда отказать в признании сделки недействительной в тех случаях, когда заблуждение было нераспознаваемо для контрагента.

Основной акцент при толковании смысла всей ст. 178 ГК РФ следует делать на том, что она рассчитана на аннулирование сделок, в том числе при добросовестности контрагента, это следует из всего содержания данной статьи.

Так, согласно п. 1–3 ст. 178 для признания сделки недействительной в расчет принимаются исключительно обстоятельства, из которых исходила заблуждавшаяся сторона. А отношение к этим обстоятельствам контрагента заблуждавшейся стороны, его знание о заблуждении или «распознаваемость» заблуждения для признания сделки недействительной никакого юридического значения не имеют.

Единственный случай, когда «распознаваемость» заблуждения имеет значение для признания сделки недействительной – это подп. 5 п. 2 ст. 178 ГК РФ, когда некие дополнительные обстоятельства, не относящиеся к существу сделки, становятся существенными условиями и должны быть распознаваемы либо в силу положений самой сделки, либо в силу иных причин очевидных для другой стороны.

Пункт 4 ст. 178 ГК РФ также рассчитан в первую очередь на случаи, когда контрагент в сделке был добросовестным, не знал и не должен был знать о заблуждении, но при этом ему дается шанс оставить сделку в силе, если он согласится на условия, которые имела в виду заблуждавшаяся сторона.

Из добросовестности контрагента при заблуждении исходит и расположение норм в п. 6 ст. 178 ГК РФ о последствиях недействительности сделок с заблуждением.

В первую очередь, закон по общему правилу обязывает заблуждающуюся сторону возместить своему контрагенту реальный ущерб (предполагая, что контрагент добросовестный) и исключает эту обязанность в случаях недобросовестности контрагента (если докажет, что другая сторона знала или должна была знать о наличии заблуждения, в т. ч. если заблуждение возникло вследствие зависящих от нее обстоятельств). И лишь если заблуждение возникло по обстоятельствам, за которые отвечает контрагент, заблуждавшаяся сторона не обязана возмещать ущерб, и более того, вправе потребовать от своего контрагента возмещения убытков.

Нормы о заблуждении призваны защитить лицо, заблуждавшееся в существенных обстоятельствах для сделки, и при добросовестности контрагента. Правило п. 5 ст. 178 ГК РФ позволяет оставлять сделки с заблуждением при добросовестности контрагента в силе в порядке исключения лишь в случаях, когда в отношении конкретной сделки (с учетом присущих только ей свойств и особенностей) достоверно установлено, что контрагент никак не мог распознать заблуждение в данном конкретном случае [30, с. 70].

Опасность ст. 178 ГК РФ состоит в том, что оспаривание сделки одной из ее сторон из-за допущенной ею ошибки создает серьезные риски для другой стороны. Контрагент же мог положиться на факт совершения сделки, понести расходы на подготовку исполнения или исполнение, заключить договоры с третьими лицами в надежде на исполнение оспариваемого контракта и т. п. А значит, при безупречности поведения контрагента аннулирование сделки по общему правилу допускаться не должно. Доверие такого контрагенту факту совершения сделки должно защищаться.

Сформулируем критерии, по которым можно выявить упречность участника договора:

- контрагент ввел партнера в заблуждение путем неосторожного предоставления недостоверной информации;
- контрагент иным образом по неосторожности спровоцировал возникновение заблуждения у другой стороны (частным примером является ситуация, когда контрагент спровоцировал заблуждение тем, что нарушил установленные в законе, укоренившиеся в обычаях или вытекающие из принципа добросовестности требования в отношении полноты раскрываемой на преддоговорном этапе информации);
- контрагент пошел на заключение сделки, имея все основания знать о заблуждении своего партнера, но не предостерег контрагента, а воспользовался этой ошибкой.

При этом важно оговориться: если контрагент точно знал о заблуждении партнера, но не сообщил ему об этом, впору говорить об умышленном обмане умолчанием по п. 2 ст. 179 ГК РФ [1].

Но вот, если контрагент был безупречен в своих действиях, повторимся: сделка «рушиться» не должна.

Логичным закреплением данного подхода является п. 5 ст. 178 ГК РФ, предусматривающий, что оспаривание сделки, по общему правилу, может быть заблокировано, если контрагент не только не вводил сторону в заблуждение, но и не знал и не должен был знать о заблуждении другой стороны (то есть ошибка была нераспознаваема). Смысл критерия распознаваемости заключается в том, что глубоко скрытые от другой стороны ошибки не будут рассматриваться как основание для оспаривания сделки, сколько бы существенным это заблуждение не было. Это связано с тем, что человеческие представления о мире столь многообразны и порой причудливы, что право не может их учитывать, перекладывая последствия их ошибочности на контрагента.

Самым наглядным примером этого утверждения могла бы быть анекдотичная уже история про кота и микроволновую печь. Если бабушка покупает микроволновку для того, чтобы сушить в ней домашнего любимца после мойки, то продавец явно не может предугадать ее ожидания от сделки купли-продажи. Если же покупательница спросит у продавца совета о том, какая микроволновка лучше сушит животных, то если продавец не просветит бабушку о невозможности такого использования электрического прибора, вряд ли его поведение может быть расценено как добросовестное.

И здесь важно учесть, что при распознаваемости ошибки оспаривание возможно только тогда, когда контрагент, имевший основания подозревать о заблуждении партнера, воспользовался ошибкой вопреки принципу добросовестности. Дело в том, что в ряде случаев обычаи оборота и стандарт добросовестности могут допускать эксплуатацию неосведомленности контрагента (информационной асимметрии). Например, если между двумя профессиональными инвесторами заключается договор купли-продажи акций некоей компании, а покупатель имеет основания подозревать, что продавец не обладает какой-то важной информацией, характеризующей деятельность компании и способной сказаться на стоимости ее акций в самом ближайшем времени, но сам покупатель приобрел это информационное преимущество за счет использования своего высокого профессионализма и инвестиций в сбор и аналитическую обработку информации, вряд ли было бы целесообразно и справедливо обвинять покупателя в недобросовестном умолчании и допускать оспаривание сделки. Иначе это бы лишило профессиональных коммерсантов стимулов к тому, чтобы наращивать свой профессионализм и информированность.

Касаясь же п. 5 ст. 178 ГК РФ, следует отметить, что использование в данной норме слова «может» в отношении правомочия суда отказать в иске об оспаривании при нераспознаваемости заблуждения намекает на то, что в каких-то случаях все-таки допускается признание сделки недействительной даже при добросовестном незнании контрагента об ошибке. В каких случаях такое возможно? Как представляется, мыслимы только две ситуации, в которых суд может проигнорировать добросовестность контрагента и признать сделку недействительной по правилам ст. 178 ГК РФ. Во-первых, это – обоюдная, двусторонняя ошибка, то есть ситуация, когда обе стороны совершали сделку в условиях существенного заблуждения, и ни одна из сторон не совершила бы сделку или совершила бы ее на принципиально иных условиях, зная она о реальном положении вещей (например, два бизнесмена заключают соглашение о совместной деятельности по разработке некоего месторождения, опираясь на ошибочную информацию о масштабах открытого месторождения). Во-вторых, это ситуация, когда имело место невиновное введение в заблуждение (то есть контрагент спровоцировал ошибку своими заявлениями или поведением, но при этом вменить это в вину контрагенту нельзя). Последняя ситуация может иметь место, в частности, тогда, когда заблуждение было спровоцировано получением от контрагента недостоверной информации, но при этом предоставивший

информацию контрагент не только сам не знал, но и не мог знать о ее недостоверности.

Возникает и еще один вопрос, связанный с ограничителем, сформулированным ВАС РФ в его Информационном письме. Так, в п. 5 Письма № 162 указано, что суд должен отказывать в признании сделки недействительной по ст. 178 ГК РФ, если «истец не проявил должной осмотрительности при совершении спорной сделки». Соответственно, для признания заблуждения существенным необходимо установить, что заблуждавшаяся сторона вела себя разумно и объективно оценивала ситуацию. Если заблуждение является следствием (как минимум) грубой неосторожности самого заблуждавшегося лица, его заблуждение неизвинительно, и это лицо не может рассчитывать на применение ст. 178 ГК РФ. В частности, нереалистичные, фантастические представления и ожидания сторон сделки не могут быть квалифицированы как существенное заблуждение, порочащее сделку, даже в том случае, если сторона, имевшая такие ожидания и представления, не совершила бы сделку в отсутствие заблуждения. Признание сделки недействительной по правилам ст. 178 ГК РФ возможно только тогда, когда ошибка извинительна. При определении извинительности заблуждения следует принимать во внимание стандарт разумного участника оборота, обладающего сходными характеристиками с заблуждавшейся стороной. Если речь идет о коммерсанте, естественно, стандарт разумного поведения намного выше, чем в случае с обывателем; соответственно, коммерсанту намного сложнее доказать извинительность своего заблуждения, чем такому обывателю. К категории неизвинительного заблуждения следует отнести и ситуацию, когда контрагент, обнаружив заблуждение партнера, предупредил его об этом, но тот, упорствуя в своем заблуждении, решил пойти на совершение сделки. Такое легкомысленное поведение не может поощряться [60].

Сама идея о невозможности аннулировать сделку, если лицо заблуждалось по собственной неосторожности, разумна, однако применять ее следует с учетом ряда оговорок. Многие случаи заблуждения как такового (например, очевидные оговорка, описка, опечатка) в самом своем составе представляют собой проявления неосторожности, являющиеся непосредственным основанием для оспаривания сделки.

Кроме того, стандарт осмотрительности должен применяться с учетом поведения другой стороны и обстоятельств совершения конкретной сделки. Если другая сторона сделки создала условия для заблуждения, то неосмотрительность заблуждающегося, пусть и имевшая место, не должна полностью блокировать возможность оспаривания сделки.

В этом смысле нельзя согласиться с позицией ВАС РФ в конкретном примере, указанном в Информационном письме. В данном примере арендатору было отказано в иске о признании недействительным договора аренды, заключенного по результатам аукциона. Отказано на том основании, что истец не проявил должную осмотрительность и не проверил расположение сдаваемого в аренду помещения, которое располагалось по условиям договора на цокольном этаже здания, а на самом деле – в подвале и было непригодно для использования по

назначению, предусмотренному в договоре аренды. Из данного примера следует, что сведения о расположении помещения на цокольном этаже содержались в конкурсной документации, а также в техническом паспорте на здание, предоставленных истцу арендодателем. Истец, исходя из общей презумпции добросовестности контрагента, вполне мог полагаться на данные, содержащиеся в конкурсной документации и в техпаспорте. Более того, в данном конкретном случае можно вообще вести речь об обмане со стороны арендодателя путем сообщения заведомо недостоверных сведений в конкурсной документации и при подписании договора аренды о месте расположения помещения.

Поэтому требование о необходимости проявлять осмотрительность и осторожность при заключении сделки следует поддержать, однако, его нельзя возводить в абсолют и полностью исключать возможность оспаривания сделки. Требование осмотрительности следует применять в конкретных обстоятельствах, с учетом поведения и особенностей обеих сторон сделки, а также существенности самого заблуждения для данной сделки.

Стоит отметить, что внесение Федеральным законом № 100–ФЗ новшеств в параграф 2 главы 9 Гражданского кодекса Российской Федерации в целом явилось положительной мерой и должно привести к позитивным последствиям. Однако некоторые положения, в том числе вновь внесенные, являются довольно спорными, неоднозначными и требующими дальнейшей проработки и совершенствования.

Так, в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации перечень оснований для признания недействительной сделки, совершенной под влиянием заблуждения, который был исчерпывающим, расширен и теперь является открытым, на что указывает словосочетание «в частности» в пункте 2 данной статьи. Преимуществом такого открытого перечня оснований для признания сделки недействительной в соответствии со статьей 178 Гражданского кодекса Российской Федерации является возможность признания недействительной сделки, содержащей пороки воли, не перечисленные в пункте 2, но дающие основания оспаривать сделку ввиду ее соответствия критерию существенного значения.

Вопрос о существенности заблуждения необходимо решать с учетом фактических обстоятельств конкретной сделки, оцениваемых в соответствии с установившимися представлениями о тех или иных обстоятельствах. В зависимости от этого схожие обстоятельства в разных сделках, совершаемых разными лицами, могут как иметь существенное значение при их заключении, так и не играть роли. Перечисленные в статье 178 Гражданского кодекса Российской Федерации условия признания сделки недействительной имеют субъективный, оценочный характер, что осложняет положения сторон и существенно затрудняет работу суда.

Применение правил о заблуждении относительно предмета сделки, в частности его качеств, рассматриваемых в обороте как существенных, носит односторонний характер, то есть оценивается, когда относительно их заблуждается приобретатель вещи, и поэтому страдает неполнотой. Возможны

случаи, когда в качестве предмета заблуждается отчуждающее его лицо. Например, золотая вещь продается как медная, подлинник произведения искусства продается как его копия.

В связи с этим, как нам кажется, судам необходимо трактовать абзац 2 пункта 2 статьи 178 Гражданского кодекса Российской Федерации в более общем смысле, применяя правило о заблуждении по отношению не только к лицу приобретающему в ходе сделки имущество, но и к стороне, отчуждающей его.

В абзаце 3 пункта 2 статьи 178 Гражданского кодекса Российской Федерации отмечается, что заблуждение полагается существенным, если сторона заблуждается в отношении природы сделки. В законодательстве не содержится легального толкования понятия «природа сделки», или «правовая природа сделки», а теория и судебная практика в данном вопросе расходятся, называя юридической природой сделки совокупность признаков, свойств, условий, характеризующих сущность этой сделки, ее тип, существенные условия сделки.

Неодинаковое понимание терминов влечет за собой различные классификационные и понятийно–терминалогические подходы к рассматриваемой проблеме. Для единообразия теории и судебной практики необходимо дать легальное толкование понятия «правовая природа сделки» и закрепить данное определение в главе 9 «Сделки» Гражданского кодекса Российской Федерации в виде следующей формулировки: «Под правовой природой сделки необходимо понимать совокупность существенных условий и признаков, характерных для конкретного типа сходных по многим признакам сделок и отличающих его от других типов сделок».

В абзаце 5 пункта 2 статьи 178 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что заблуждение предполагается достаточно существенным, если сторона заблуждается в отношении обстоятельства, которое она упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку. Однако сторона, вступая в сделку, может с очевидностью для другой стороны исходить не только из наличия, но и из отсутствия определенных обстоятельств, зная о которых она не совершила бы сделку. Наряду с неправильными представлениями об обстоятельствах сделки необходимо поставить и неведение о каких-либо обстоятельствах.

Например, лицо, заказав у скульптора копию Венеры Милосской, получает скульптуру, к которой тот по собственной инициативе приделал руки. В связи с вышесказанным, на наш взгляд, абзац 5 пункта 2 статьи 178 Гражданского кодекса Российской Федерации следует изложить в следующей редакции: «...сторона заблуждается в отношении обстоятельства, которое она упоминает в своем волеизъявлении или из наличия либо отсутствия которого она с очевидностью для другой стороны исходит» [59].

Также в законодательстве отсутствуют нормы, позволяющие изменить или расторгнуть сделку, совершенную под влиянием заблуждения на условиях, отличных от представления заблуждавшейся стороны, что является по нашему мнению пробелом, который необходимо восполнить. В настоящее время суд вправе отказать в признании сделки недействительной, если заблуждение, под

влиянием которого действовала сторона сделки, было таким, что его не могло бы распознать лицо, действующее с обычной осмотрительностью и с учетом содержания сделки, сопутствующих обстоятельств и особенностей сторон.

Подобное положение противоречит пункту 1 статьи 178 Гражданского кодекса Российской Федерации, которым постановлено, что заблуждение является существенным и влечет за собой недействительность сделки, если сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, зная о действительном положении дел. Возможно, данную ситуацию получится исправить, дополнив пункт 4 статьи 178 Гражданского кодекса Российской Федерации вторым абзацем следующего содержания: «Сделка не может быть признана недействительной по основаниям, предусмотренным настоящей статьей, если стороны выразят согласие на изменение условий сделки или на ее расторжение».

Также, к примеру, правом на обжалование сделок, совершенных с нарушением требований к субъективной стороне, согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации обладает только сам потерпевший. Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал в пункте 73 своего постановления, что оспаривать подобные сделки могут также наследники потерпевшего. Это лишает третьих лиц, чьи права и законные интересы нарушены подобной сделкой, например купивших имущество у лица, приобретшего его в результате сделки, совершенной под влиянием обмана, возможности восстановить эти права, что противоречит принципу беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. В связи с этим необходимо закрепить за третьими лицами, чьи права и законные интересы нарушены сделкой, возможность оспаривания подобной сделки. На наш взгляд, нужно изложить пункт 1 статьи 178 Гражданского кодекса Российской Федерации в такой редакции: «Сделка, совершенная под влиянием заблуждения, может быть признана судом недействительной по иску стороны действовавшей под влиянием заблуждения, ее наследников и иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены такой сделкой, если заблуждение было настолько существенным, что эта сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел».

В данном параграфе на примере статьи 178 Гражданского кодекса Российской Федерации были исследованы лишь некоторые пробелы, касающиеся оспаривания недействительных сделок, а также сделан ряд выводов и сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

3.3 Сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств

Все пять сделок, предусмотренные ст. 179 ГК, на первый взгляд серьезно отличаются друг от друга. Основания их признания различны. Одни из них относятся к мотивам совершения сделки (угроза, насилие) и характеризуются

отсутствием собственной (внутренней) воли, другие – к несоответствию воли волеизъявлению в сделке (обман, злонамеренное соглашение представителя, кабальная сделка). Объединить их вместе позволили два обстоятельства. Первое: все эти пять различных оснований могут приниматься во внимание при одном общем условии – каждое из них должно быть необходимой причиной совершения сделки. Без этого соответствующие сделки не были бы совершены. Второе – общие последствия признания таких сделок недействительными.

Первая особенность позволяет не принимать во внимание, ни сами условия сделки, ни порядок ее совершения, ни, наконец, форму сделки. Они могут быть вполне законны. Главное заключается в том, под влиянием чего была совершена сделка. Во всех пяти случаях одна из сторон является потерпевшей от виновных противоправных действий другой стороны. Эти противоправные действия оказали решающее влияние на совершение сделки другой стороной [29, с. 58].

Каждая из следующих сделок может быть признана недействительной, если она совершена:

- во-первых, под влиянием обмана;
- во-вторых, под влиянием насилия;
- в-третьих, под влиянием угрозы;
- в-четвертых, под влиянием злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной;
- в-пятых, вследствие тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях (кабальная сделка).

Действие ст. 179 ГК РФ распространяется на сделки любых участников – как физических, так и юридических лиц.

Обман представляет собой умышленное введение стороны в заблуждение. Он приобретает юридическое значение тогда, когда к нему прибегают как к средству склонить другую сторону к совершению сделки. Заинтересованная в совершении сделки сторона преднамеренно создает у потерпевшего не соответствующее действительности представление о характере сделки, ее условиях, личности участников, предмете, других обстоятельствах, влияющих на его решение. Обман может заключаться и в утверждениях об определенных фактах и в умолчании, намеренном сокрытии фактов и обстоятельств, знание о которых отвратило бы потерпевшего от совершения сделки.

Насилием в смысле ст. 179 ГК РФ считается непосредственное физическое воздействие на личность участника сделки – либо непосредственно на сторону, если ею является гражданин, либо на представителей (работников) и органы юридического лица. Они могут выражаться в нанесении побоев, телесных повреждений, убийствах, причинении физических страданий, ограничении либо лишении свободы передвижения.

Насилие может выражаться далее в воздействии на имущество стороны – уничтожение либо повреждение имущества, захват его.

Насилие может осуществляться как по отношению к стороне в сделке, так и по отношению к близким стороне лицам (детям, родителям, супругу), к ее

контрагентам либо аффилированным лицам. В этих случаях для стороны по сделке речь идет о причинении нравственных страданий, потере клиентов, акционеров, дочерних обществ и т. п.

Насилие не обязательно должно быть уголовно наказуемым, но всегда противоправным. Употребление власти начальником по отношению к подчиненному для принуждения его к совершению сделки есть также разновидность насилия (объявление взыскания, понижение в должности, лишение вознаграждения и т. д.).

Насилие направлено не на получение согласия на совершение сделки, которого быть не может, а на понуждение к совершению действий, которые бы создавали видимость такого согласия. Для насильника важно получить подпись под договором, подпись под заявлением, актом, иными документами, необходимыми для того, чтобы сделка считалась совершенной.

Угроза представляет собой психическое воздействие на волю лица с целью принудить его к совершению сделки под страхом применения физического насилия, причинения нравственных страданий, распространения сведений, порочащих деловую репутацию, оглашения сведений о финансовом положении, либо совершения какого-либо иного противоправного действия.

Угроза отличается от насилия, во-первых, тем, что представляет собой только «психическое воздействие», воздействие на сознание, но не на личность и не на имущество; во-вторых, угроза может относиться к любым последствиям – как неправомерным, так и правомерным. В-третьих, угроза должна носить реальный, а не предположительный характер. Лицо, совершающее сделку под угрозой, должно сознавать возможность ее исполнения. Наконец, в-четвертых, угроза должна быть «существенной» или «значительной», исходя из значимости тех ценностей, которым она создавала опасность [26, с. 20].

Под злонамеренным соглашением представителя одной стороны с другой стороной понимается сговор представителей сторон, направленный против интересов представляемой стороны. Эта сделка может быть квалифицирована как особый случай обмана – обман представителем представляемого лица по сговору с другой стороной. В результате этого сговора сторона либо лишается того, что она должна была бы иметь при надлежащем использовании представителем имеющегося у него полномочия (продажа по заведомо заниженной цене либо покупка по заведомо завышенной цене), либо приобретает дополнительные обременения (покупка дома с нанимателями). Не имеет значения цель, с какой совершался такой сговор, получили ли какую-либо выгоду от этого представитель и другая сторона.

Следует учитывать, что нарушение представителем своих обязанностей перед доверителем, а также превышение им своих полномочий не должно рассматриваться в качестве основания признания сделки недействительной (ст. 183 ГК РФ).

Стечение тяжелых обстоятельств вынуждает лицо действовать не вполне по своей воле, поскольку эти обстоятельства не всегда предоставляют ей возможность выбора. Тяжелая болезнь, банкротство, увольнение с работы и тому

подобные причины заставляют быть менее разборчивым в выборе покупателей, продавцов, кредиторов и т. д. Вместе с тем само по себе стечение тяжелых обстоятельств не является основанием для признания сделки недействительной. Обязательным признаком такой сделки должны быть крайне невыгодные условия сделки. Такие сделки, например, совершали вынужденные переселенцы и беженцы, продававшие принадлежавшие им квартиры (дома) за цену, едва покрывавшую расходы на переезд к новому месту жительства. Вторым обязательным условием такой сделки является недобросовестное поведение другой стороны: зная о стечении тяжелых обстоятельств, она умышленно совершает сделку на крайне невыгодных для этой стороны условиях.

Характер сделок, предусмотренных ст. 179 ГК РФ, предопределяет и их последствия. Поскольку в сделке имеется сторона, действовавшая противоправно, и потерпевшая сторона, то большое значение приобретают меры штрафного характера, меры ответственности, применяемые к нарушителю за совершение таких действий. Потерпевшему возвращается все полученное от него другой стороной. Если нельзя вернуть в натуре, то стоимость возмещается в деньгах. То же, что получено потерпевшим от другой стороны (либо причитающееся с нее), взыскивается в доход Российской Федерации. Эти меры в гражданском праве именуется односторонней реституцией. Одна сторона, потерпевший, при этом возвращается в первоначальное положение, все же, переданное другой стороной либо причитающееся с нее, конфискуется.

Все сделки, указанные в ст. 179 ГК РФ, являются оспоримыми. Лица, их совершающие, вправе, но не обязаны требовать признания их недействительными. Суд, рассматривающий дело, должен принимать решение о недействительности таких сделок с учетом всех обстоятельств, поскольку закон не обязывает его к такому решению во всех случаях. Суд может, в частности, и отказать в удовлетворении иска по такому основанию, если выяснится необратимость исполнения сделки, отпадение условий недействительности (последующее одобрение сделки потерпевшей стороной) и в других случаях, когда результаты сделки оказываются в интересах потерпевшего лица.

Рассмотрим несколько примеров из судебной практики.

1. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.04.2013 по делу № А13–2467/2012 (Определением ВАС РФ от 26.08.2013 № ВАС–11551/13 отказано в передаче дела № А13–2467/2012 в Президиум ВАС РФ для пересмотра в порядке надзора данного постановления)

Исковые требования: ОАО «Вологдатрансагентство» (продавец) обратилось в суд к ООО ТЭК «Вологдатрансагентство» (покупателю) с требованиями о признании недействительным заключенного сторонами договора купли-продажи транспортного средства, а также о применении последствий недействительности сделки в виде взыскания с ответчика недоплаченной стоимости транспортного средства.

Решение суда: Исковые требования удовлетворены.

Позиция суда: Поддерживая выводы судов нижестоящих инстанций в части наличия признаков ничтожности оспариваемой сделки (отсутствие

волеизъявления на отчуждение спорного транспортного средства у продавца, недобросовестность действий представителя обеих сторон при совершении сделки), суд кассационной инстанции, обратив внимание на то, что исходя из смысла пункта 1 статьи 179 ГК РФ злостное соглашение представителя одной стороны с другой имеет место при наличии их умышленного сговора и при возникновении вследствие этого неблагоприятных последствий для представляемого, а потерпевшим от заключения такого договора является сторона сделки, для которой наступили неблагоприятные последствия, дополнительно отметил, что при применении указанных оснований и с учетом обстоятельств дела, свидетельствующих о действиях представителя сторон в одном лице (и от имени покупателя, и от имени продавца) и о неблагоприятных для продавца последствиях такой сделки на момент ее совершения, потерпевшим в таком случае признается именно ОАО «Вологдатрансагентство» (продавец), в связи с чем оно имеет право требовать восстановления нарушенного права путем признания оспариваемой сделки недействительной [60].

2. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27.01.2014 № Ф03–6984/2013 по делу № А59–2538/2013

Исковые требования: ООО «ТМС» (арендатор) обратилось в суд к Комитету по управлению муниципальным имуществом муниципального образования (арендодателю) с требованием о признании недействительным договора аренды нежилых помещений, мотивированным тем, что названный договор является недействительной и кабальной сделкой, совершенной под влиянием обмана вследствие тяжелых жизненных обстоятельств на крайне невыгодных для истца условиях и не соответствующей положениям статьи 17.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135–ФЗ «О защите конкуренции».

Решение суда: В удовлетворении исковых требований отказано.

Позиция суда: Отметив, что исходя из положений статьи 179 ГК РФ для признания недействительной кабальной сделки необходимо наличие двух взаимосвязанных факторов: нахождение лица, совершающего сделку, в тяжелых обстоятельствах; совершение сделки на крайне невыгодных условиях, суд пришел к выводу о том, что арендатор не представил доказательств, свидетельствующих о кабальности сделки, поскольку заключение сторонами договора аренды на более короткий срок, чем могло рассчитывать ООО «ТМС», не является обстоятельством, свидетельствующим о невыгодности его положения как стороны договора аренды.

Кроме того, судом отклонен довод арендатора относительно невозможности получения лицензии в связи с необходимостью длительной аренды помещения, поскольку выбор помещения для осуществления деятельности и согласование условий договора аренды, по сути, являются предпринимательским риском арендатора [60].

3. Постановление ФАС Поволжского округа от 29.08.2013 по делу № А57–13396/2012

Исковые требования: ЗАО «Племенной завод «Алгайский» (продавец) обратилось в суд с требованием о признании договора купли-продажи товарного

молодняка сел» (покупателем), недействительной сделкой на основании злонамеренного соглашения сторон, что, по мнению истца, подтверждается последующими действиями генерального директора истца, который подписал вышеуказанный договор, превысив свои полномочия, затем в кратчайшие сроки заключил дополнительное соглашение к договору купли-продажи, соглашение о расторжении договора, что свидетельствует о его заинтересованности, злонамеренности и заключении кабальной сделки, приведших истца к тяжелому материальному положению и банкротству.

Решение суда: В удовлетворении исковых требований отказано.

Позиция суда: Разъяснив, что под злонамеренным соглашением сторон понимается сговор представителя одной стороны сделки с другой стороной этой сделки, направленный против интересов представляемой стороны; сделка, совершенная по злонамеренному соглашению сторон, является оспоримой сделкой, для такого рода сделок необходимо доказать искажение действительной воли сторон, при этом злонамеренное соглашение представителя одной стороны с другой возможно лишь при наличии их умышленного сговора и возникновении вследствие этого неблагоприятных последствий для представляемого, суд пришел к выводу о том, что продавец таких доказательств не представил, напротив, судом установлено, что договор купли-продажи товарного молодняка со стороны СПК «Ергенинский» (покупателем) был исполнен, соглашением о расторжении указанного договора продавец обязался возвратить СПК «Ергенинский» перечисленные по договору денежные средства и уплатить проценты за неисполнение условий договора.

Таким образом, поскольку по указанному дополнительному соглашению продавец обязался возвратить полученные им фактически денежные средства, оснований для утверждения о том, что совершенные действия генерального директора продавца по заключению дополнительного соглашения о расторжении договора свидетельствуют о его заинтересованности, злонамеренности и заключении кабальной сделки, не имеется [60].

4. Постановление ФАС Уральского округа от 23.07.2013 № Ф09–6021/13 по делу № А76–20058/2012

Исковые требования: ООО «Литейный центр» (покупатель) обратилось в суд к ООО «Уфалейский завод металлоизделий» (продавцу) с требованиями о признании сделки купли-продажи пропусков недействительной и применении последствий ее недействительности, взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в связи с тем, она совершена на крайне невыгодных для истца условиях.

Решение суда: В удовлетворении исковых требований отказано.

Позиция суда: Обратив внимание на то, что обстоятельствами, подлежащими установлению для признания сделки недействительной как кабальной, являются: нахождение лица, совершающего сделку, в тяжелых обстоятельствах; совершение сделки на крайне невыгодных для потерпевшего условиях; причинно-следственная связь между стечением у потерпевшего тяжелых обстоятельств и совершением сделки на крайне невыгодных для него условиях; осведомленность

другой стороны о перечисленных обстоятельствах и использование их к своей выгоде; при этом стечение тяжелых обстоятельств само по себе не является основанием недействительности сделки, для этого необходимы два условия: заключение сделки под влиянием таких обстоятельств на крайне невыгодных условиях и наличие действий другой стороны, свидетельствующих о том, что она такими тяжелыми обстоятельствами воспользовалась, установив, что при совершении сделки купли-продажи пропусков покупатель был согласен с условиями договора, обладал свободой выбора и мог не совершать спорную сделку, суд пришел к выводу об отсутствии доказательств, свидетельствующих о наличии совокупности обстоятельств, необходимых в силу статьи 179 ГК РФ для признания сделки недействительной по указанному основанию [60].

Рассмотрим некоторую проблематику кабальных сделок.

Буквальное толкование п. 3 ст. 179 ГК РФ и правоприменительная практика разграничивают понятия «кабальная сделка» и «сделка на невыгодных условиях».

Механизм признания недействительной кабальной сделки используется для защиты пострадавшей стороны. В случае признания сделки недействительной по данному основанию потерпевшей стороне следует доказать наличие совокупности одновременно четырех условий:

- сделка совершена потерпевшей стороной в условиях стечения тяжелых обстоятельств;
- сделка совершена на крайне невыгодных для потерпевшей стороны условиях;
- факт того, что контрагент сделки знал о вышеизложенных обстоятельствах и воспользовался этим;
- причинно-следственную связь между стечением у потерпевшей стороны тяжелых обстоятельств и совершением ею сделки на крайне невыгодных условиях.

Один из квалифицирующих признаков кабальной сделки – крайне невыгодные условия для одной из сторон. Надо отметить, что «крайняя невыгодность» – понятие оценочное, и сложно выделить какие-либо объективные критерии для признания условий договора крайне невыгодными. Еще сложнее провести грань между крайне невыгодными и просто невыгодными условиями.

Анализ судебной практики приводит к однозначному выводу о том, что суды данные понятия разделяют. Так, АС Московского округа в постановлении от 16.02.2016 № Ф05–21049/2015 по делу № А40–36547/2015 указал, что для признания недействительным договора, заключенного в период стечения тяжелых обстоятельств для одной из сторон, необходимо два условия [57]:

- заключение сделки под влиянием таких обстоятельств на крайне невыгодных, а не просто невыгодных условиях;
- наличие действий другой стороны, свидетельствующих о том, что она такими тяжелыми обстоятельствами воспользовалась.

Судами также предпринята попытка дать определение понятию «крайне невыгодные условия». Так, в Определении от 16.11.2016 № 305–ЭС16–9313 по делу № А40–91532/2015 Верховный суд РФ указал, что для признания

оспариваемой сделки кабальной необходимо наличие обстоятельств, которые подтверждают ее заключение для истца на крайне невыгодных условиях, то есть на условиях, не соответствующих интересу этого лица, существенно отличающихся от условий аналогичных сделок. Выводы этого определения охотно используют и нижестоящие суды (см., например, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2017 № 09АП–60244/2016–ГК, 09АП–61679/2016–ГК по делу № А40–142922/2016).

Таким образом, правоприменительная практика вводит два критерия признания условий крайне невыгодными:

- условия договора не соответствуют интересу стороны договора;
- условия договора существенно отличаются от условий аналогичных сделок.

Полагаем, что подобные критерии могут быть использованы и для квалификации договора как заключенного на просто невыгодных условиях. Представляется, что разница между невыгодными и крайне невыгодными условиями заключается лишь в степени невыгодности данных условий для стороны. Но оценить, в какой степени условия договора невыгодны для стороны, так же проблематично, ведь какие-либо объективные критерии для оценки законом не определены и, наверное, определены быть не могут. При таких обстоятельствах стороне договора, основываясь лишь на критериях невыгодности, предложенных судами, сложно заранее спрогнозировать риск признания договора недействительным на основании п. 3 ст. 179 ГК РФ.

Отметим, что напрямую понятие крайне невыгодных условий используется в ГК РФ только в п. 3 ст. 179 ГК РФ, и для применения данной нормы, как уже отмечалось выше, необходимо наличие совокупности обстоятельств. Соответственно, подобное разграничение не представляется необходимым: факт наличия в договоре просто невыгодных или крайне невыгодных условий в отрыве от совокупности иных обстоятельств не влечет за собой значимых правовых последствий.

Следует отметить, что понятие «невыгодные условия договора» используется и в подп. 3 п. 1 ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135–ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции). Согласно данной норме запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей, в том числе навязывание контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора.

Договоры, заключенные в нарушение императивных запретов законодательства о конкуренции, ничтожны. Для квалификации действий в качестве злоупотребления доминирующим положением на основании подп. 3 п. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции следует также установить совокупность следующих признаков:

- доминирующее положение хозяйствующего субъекта;

- совершение хозяйствующим субъектом действия в форме навязывания контрагенту условий договора, невыгодных для него;
- наступление или возможность наступления негативных последствий в виде недопущения, ограничения, устранения конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей;
- наличие объективной взаимосвязи между доминирующим положением, совершением деяния и его негативными последствиями либо возможностью наступления таких последствий [18, с. 268].

Получается, антимонопольное законодательство отказалось от оценки степени невыгодности условий и для защиты потерпевшей стороны от злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением использует понятие «невыгодные условия». Такой подход в условиях отсутствия объективных критериев степени невыгодности представляется более правильным.

Понятие «заведомо и значительно невыгодные» условия используется в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 93) как критерий наличия явного ущерба для признания сделки недействительной на основании п. 2 ст. 174 ГК РФ: о наличии явного ущерба свидетельствует совершение сделки на заведомо и значительно невыгодных условиях, например, если предоставление, полученное по сделке, в несколько раз ниже стоимости предоставления, совершенного в пользу контрагента.

В соответствии с п. 2 ст. 174 ГК РФ сделка, совершенная представителем или действующим от имени юридического лица без доверенности органом юридического лица в ущерб интересам представляемого или интересам юридического лица, может быть признана судом недействительной по иску представляемого или по иску юридического лица, а в случаях, предусмотренных законом, по иску, предъявленному в их интересах иным лицом или иным органом, если другая сторона сделки знала или должна была знать о явном ущербе для представляемого или для юридического лица либо имели место обстоятельства, которые свидетельствовали о сговоре либо об иных совместных действиях представителя или органа юридического лица и другой стороны сделки в ущерб интересам представляемого или интересам юридического лица. Фактически это основание используется для признания недействительными сделок, заключенных представителем юридического лица на невыгодных условиях.

Отметим, что Пленум ВС РФ упоминает еще одну степень невыгодности условий сделки – значительно невыгодные и приводит пример сделки, заключенной на заведомо и значительно невыгодных условиях. Необходимость использования понятия «заведомо и значительно невыгодные условия» не находит какого-либо логичного объяснения.

Рассмотрим пример, описанный в указанном выше постановлении. Анализ судебной практики свидетельствует, что этот случай является одним из самых распространенных, когда речь идет о квалификации условий договора как крайне

невыгодных. Так, в Определении от 23.05.2017 № 19–КГ17–10 ВС РФ указал, что сделка совершена на крайне невыгодных условиях, о чем, в частности, может свидетельствовать отчуждение имущества по цене, которая существенно ниже рыночной. А в информационном письме Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечено, что о крайне невыгодных условиях может свидетельствовать, в частности, чрезмерное превышение цены договора относительно иных договоров такого вида (п. 11).

В большинстве случаев суды устанавливают невыгодность условий сделки на основании того, что стоимость предоставленного стороне не соответствует рыночной стоимости (существенно ниже или выше).

С квалификацией условий договора, не имеющих стоимостного выражения, как крайне невыгодных ситуация складывается иначе: суды не спешат признавать нематериальные условия крайне невыгодными. Например, АС Белгородской области в решении от 19.01.2015 по делу № А08–9108/2014 пришел к выводу, что соглашение о рассмотрении спора в третейском суде не может считаться крайне невыгодным условием. Насколько справедлив такой подход судов, оценить сложно, но однозначно можно сказать, что квалифицировать не имеющие стоимостного выражения условия договора как крайне невыгодные суды не торопятся [59].

Сторона, предлагающая контрагенту невыгодные условия сделки, должна знать о риске признания такой сделки недействительной на основании п. 3 ст. 179 ГК РФ. Тем не менее наличия только лишь невыгодных условий недостаточно для того, чтобы сделка была признана недействительной. Необходимо наличие совокупности обстоятельств, перечисленных выше.

Отличительным признаком кабальных сделок является отсутствие у лица, заключающего сделку, свободной воли на ее совершение (Определение ВАС РФ от 18.05.2010 № ВАС–5949/10 по делу № А53–8430/2009). Порок воли обычно связывают с нахождением стороны в условиях стечения тяжелых обстоятельств, без которых лицо не заключило бы данную сделку. Поэтому стороне, предлагающей контрагенту невыгодные условия, следует убедиться, что сделка заключается не при стечении тяжелых обстоятельств. Надо сказать, что понятие «стечение тяжелых обстоятельств» более применимо к физическим, чем к юридическим лицам. Именно поэтому сделки, заключенные между юридическими лицами, редко признаются судами кабальными. Тем не менее практике известны случаи, когда сделки, совершенные в период тяжелого финансового положения юридических лиц, таковыми признавались. Поэтому стороне до заключения сделки необходимо убедиться, что в отношении юридического лица не подано заявление о признании его банкротом, не введена процедура банкротства. Это открытые сведения, и убедиться в их отсутствии не составит труда. Для граждан понятие «стечение тяжелых обстоятельств» шире, оно связано не только с тяжелым финансовым положением, но и, например, с состоянием здоровья.

Помимо самостоятельной проверки положения дел контрагента можно запросить от контрагента, согласного заключить сделку на невыгодных для него условиях, заверения об обстоятельствах, а именно сведения об отсутствии тяжелого финансового положения и каких-либо тяжелых обстоятельств на момент заключения сделки. Заверения можно включить в текст заключаемого договора. Наличие подобных заверений будет являться определенной гарантией для стороны, предложившей невыгодные условия. Так, если окажется, что заверения, которые предоставила сторона, недостоверны, будет возможность потребовать возмещения убытков, причиненных недостоверностью сведений, имеющих значение для заключения и исполнения договора, даже в случае признания заключенной сделки недействительной (п. 1 ст. 431.2 ГК РФ).

Минтруд России разработал проект федерального закона «О внесении изменения в статью 179 Гражданского кодекса Российской Федерации». В нем предлагается изложить п. 3 ст. 179 ГК РФ в следующей редакции: «Сделка на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств либо уязвимости своего положения (инвалидность, пожилой возраст, несовершеннолетие), чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка), может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего». Предложенная редакция отличается от действующей новым основанием признания сделки кабальной, а именно уязвимостью физического лица. В первую очередь речь идет о защите социально-уязвимых категорий – инвалидов, лиц пожилого возраста, детей. Таким образом, законодатель стремится предоставить более высокий уровень защиты физическим лицам.

Проведенное исследование, позволяет сделать некоторые выводы. Изменения, которые претерпела ст. 179 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств», свидетельствуют о нежелании государства защищать потерпевшую от таких сделок сторону посредством имущественного наказания виновной стороны. В прежней редакции названной статьи в качестве последствия таких сделок применялась односторонняя реституция: если сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств, признана недействительной по одному из названных оснований, то потерпевшему возвращается другой стороной все полученное ею по сделке, а при невозможности возвратить полученное в натуре возмещается его стоимость в деньгах. Имущество, полученное по сделке потерпевшим от другой стороны, а также причитавшееся ему в возмещение переданного другой стороне, обращается в доход Российской Федерации (п. 2 ст. 179 ГК РФ). В настоящее время односторонняя реституция не применяется (п. 2 ст. 167, ст. 169 ГК РФ). Таким образом, и потерпевшая, и виновная сторона обязана возвратить другой все полученное по сделке.

Статья 179 ГК РФ в части сделок, заключенных под влиянием злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, должна

применяться также в отношении сделок, заключаемых органами юридических лиц.

Для коммерческих организаций тяжелыми обстоятельствами должны являться только обстоятельства непреодолимой силы («форс-мажор»), которые во всех отношениях могут применяться в качестве «тяжелых обстоятельств» в целях признания сделок кабальными. Это правило полезно было бы закрепить в законе, дополнив пункт 1 статьи 179 ГК РФ абзацем следующего содержания: «Для коммерческих организаций стечением тяжелых обстоятельств признается наступление обстоятельств непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ)». Что же касается остальных субъектов (в том числе граждан-предпринимателей и некоммерческих организаций), то в отношении них понятие стечения тяжелых обстоятельств должно толковаться более широко. Под ними следует понимать любые уважительные чрезвычайные обстоятельства, влекущие за собой необходимость совершения сделки на любых условиях.

Выводы по разделу 3

Устанавливая обстоятельства недействительности сделки по ст. 177 ГК РФ, суд может прийти к выводу о выгодности сделки, указанной в пп. 1 и 2 ст. 177 ГК РФ, для заключившего ее лица. Норма данной статьи не регламентирует последствия установления такого факта, определяя условия, когда сделка признается недействительной. Однако ответчик по делу не лишен возможности предоставлять соответствующие доказательства и выдвигать доводы о выгодности сделки, а суд не лишен возможности использовать иные, предусмотренные ГК РФ, механизмы для вынесения правосудного и справедливого решения, в частности, оценивая действия истца на предмет их добросовестности и отсутствия признаков злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ), применяя соответствующие последствия, в т. ч. в форме отказа в удовлетворении искового требования. Одновременно, на наш взгляд, следует отметить сомнительность использования института злоупотребления правом при доказанности порока воли.

Целесообразным представляется внесение изменений в ст. 177 ГК РФ, включив абзац 2 в пункт 1: «Сделка не может быть признана недействительной, если гражданин ее совершивший, сам привел себя в состояние, в котором не мог понимать значения своих действий или руководить ими, употреблением спиртных напитков, наркотических средств или иным способом». Здесь требуется определенное уточнение – итак, сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения (п. 1 ст. 177 ГК РФ). Важным условием оспаривания сделки по п. 1 ст. 177 ГК РФ считается доказанность того, что в момент совершения сделки лицо находилось в таком состоянии, когда оно не понимало значение своих действий

или не руководило ими. Причины указанного состояния могут быть разными: наркотическое или алкогольное опьянение, стресс, болезнь и так далее. Доказать, что в момент совершения сделки лицо находилось в таком состоянии, когда оно не было способно понимать значение своих действий или руководить ими, можно экспертизой. В данном предложении, немаловажную роль играют и денежные обязательства сторон. Вышеупомянутое изменение в п.2 ст.177 ГК РФ также означает, что каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре, возместить ее стоимость в деньгах (двусторонняя реституция). Также, дееспособная сторона должна и обязана возместить другой стороне понесенный ею реальный ущерб, если первая знала или должна была знать, в каком состоянии находится контрагент (не способен понимать значение своих действий или руководить ими).

Кроме того, стандарт осмотрительности должен применяться с учетом поведения другой стороны и обстоятельств совершения конкретной сделки. Если другая сторона сделки создала условия для заблуждения, то неосмотрительность заблуждающегося, пусть и имевшая место, не должна полностью блокировать возможность оспаривания сделки.

Требование о необходимости проявлять осмотрительность и осторожность при заключении сделки следует поддержать, однако, его нельзя возводить в абсолют и полностью исключать возможность оспаривания сделки. Требование осмотрительности следует применять в конкретных обстоятельствах, с учетом поведения и особенностей обеих сторон сделки, а также существенности самого заблуждения для данной сделки.

Характер сделок, предусмотренных ст. 179 ГК РФ, предопределяет и их последствия. Поскольку в сделке имеется сторона, действовавшая противоправно, и потерпевшая сторона, то большое значение приобретают меры штрафного характера, меры ответственности, применяемые к нарушителю за совершение таких действий. Потерпевшему возвращается все полученное от него другой стороной. Если нельзя возвратить в натуре, то стоимость возмещается в деньгах. То же, что получено потерпевшим от другой стороны (либо причитающееся с нее), взыскивается в доход Российской Федерации. Эти меры в гражданском праве именуется односторонней реституцией. Одна сторона, потерпевший, при этом возвращается в первоначальное положение, все же, переданное другой стороной либо причитающееся с нее, конфискуется.

Представляется, что разница между невыгодными и крайне невыгодными условиями заключается лишь в степени невыгодности данных условий для стороны. Но оценить, в какой степени условия договора невыгодны для стороны, так же проблематично, ведь какие-либо объективные критерии для оценки законом не определены и, наверное, определены быть не могут. При таких обстоятельствах стороне договора, основываясь лишь на критериях невыгодности, предложенных судами, сложно заранее спрогнозировать риск признания договора недействительным на основании п. 3 ст. 179 ГК РФ.

Для коммерческих организаций тяжелыми обстоятельствами должны являться только обстоятельства непреодолимой силы («форс-мажор»), которые во всех

отношения могут применяться в качестве «тяжелых обстоятельств» в целях признания сделок кабальными. Это правило полезно было бы закрепить в законе, дополнив пункт 1 статьи 179 ГК РФ абзацем следующего содержания: «Для коммерческих организаций стечением тяжелых обстоятельств признается наступление обстоятельств непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ)». Что же касается остальных субъектов (в том числе граждан-предпринимателей и некоммерческих организаций), то в отношении них понятие стечения тяжелых обстоятельств должно толковаться более широко. Под ними следует понимать любые уважительные чрезвычайные обстоятельства, влекущие за собой необходимость совершения сделки на любых условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование норм §2 главы 9 ГК РФ и регулируемых ими отношений может рассматриваться как этапное и затрагивающее лишь те вопросы их понимания и применения, которые относятся, по нашему мнению, к наиболее проблемным для настоящего периода развития гражданско-правовых отношений в РФ.

Анализ составов недействительных сделок, их правовых последствий и правоприменительной практики позволил нам прийти к следующему ряду выводов.

1. Недействительностью сделок следует считать отрицание правом тех юридических последствий, на которое была направлена сделка-волеизъявление.

Под термином «недействительная сделка» следует понимать как сделку – юридический факт (в этом смысле термин «недействительная сделка» будет означать сделку, не влекущую за собой юридических последствий, на которые была направлена воля сторон), так и сделку -правоотношение, которое отрицается правом в силу тех или иных юридических недостатков, имевших место в момент совершения сделки -юридического факта.

2. Несостоятельность утверждения о том, что в конструкции «недействительные сделки» понятие «сделка» лишается одного из основополагающих ее элементов (сделка – «правомерное действие»). Термин «недействительный» означает ни что иное, как «несуществующий». В этом смысле признание сделки недействительной свидетельствует именно о том, что действия граждан (юридических лиц), совершенные в виде сделки, являются юридически несуществующими в силу их противоречия законодательству. Исходя из этого, следует признать, что термин «недействительные сделки» вполне адекватно отражает суть названных действий как неправомερных, а потому имеет право на использование в законодательстве, гражданско-правовой доктрине и практике правоприменения.

3. Оспоримые сделки характеризуются тем, что их составы всегда связаны с нарушением юридически значимой для действительности сделки воли определенного лица.

4. Законодатель не дал четкого ответа на вопрос о том, кто вправе устанавливать факт ничтожности сделки. Заложенная в ГК РФ возможность субъектам гражданского оборота самим решать вопрос о ничтожности сделок направлена на придание участникам гражданского оборота большей оперативности и самостоятельности в защите своих прав и в пресечении нарушений закона. Однако, неясность и возможность различного толкования некоторых норм, посвященных ничтожным сделкам, приводит к различного рода злоупотреблениям данным правом. Поэтому факт ничтожности сделки, как и факт оспоримости, который часто не бывает очевидным и бесспорным, должен устанавливаться исключительно судом.

5. В настоящее время существует необходимость четкого разграничения на законодательном уровне недействительных и несостоявшихся сделок. Данные

разновидности сделок должны подчиняться различному гражданско-правовому регулированию ввиду их общей способности порождать гражданско-правовые последствия: если недействительная сделка может влечь за собой такие последствия (хотя и специальные), наступления которых ее субъекты не желают, то несостоявшаяся нет. Поэтому к несостоявшимся сделкам не могут применяться нормы, предусмотренные §2 главы 9 ГК РФ для недействительных сделок. Данные отношения должны регулироваться нормами института неосновательного обогащения.

6. Норма статьи 168 ГК РФ устанавливает общее основание недействительности сделок, не соответствующих императивным правовым предписаниям, и должна применяться всякий раз, когда в законе отсутствуют указания на какое-либо специальное основание недействительности (ничтожности или оспоримости). Учитывая же, что оспоримость сделки всегда должна быть оговорена в законе специально, квалификация непосредственно по статье 168 ГК РФ остается возможной лишь в отношении ничтожных сделок. Основание недействительности сделки, предусмотренное статьей 168, имеет объективный, а не субъективный характер и для квалификации сделки как недействительной по этому основанию не требуется направленности всех сторон на соблюдение закона.

7. Целесообразным представляется внесение изменений в ст. 177 ГК РФ, включив абзац 2 в пункт 1: «Сделка не может быть признана недействительной, если гражданин ее совершивший, сам привел себя в состояние, в котором не мог понимать значения своих действий или руководить ими, употреблением спиртных напитков, наркотических средств или иным способом». Здесь требуется определенное уточнение – итак, сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения (п. 1 ст. 177 ГК РФ). Важным условием оспаривания сделки по п. 1 ст. 177 ГК РФ считается доказанность того, что в момент совершения сделки лицо находилось в таком состоянии, когда оно не понимало значение своих действий или не руководило ими. Причины указанного состояния могут быть разными: наркотическое или алкогольное опьянение, стресс, болезнь и так далее. Доказать, что в момент совершения сделки лицо находилось в таком состоянии, когда оно не было способно понимать значение своих действий или руководить ими, можно экспертизой. В данном предложении, немаловажную роль играют и денежные обязательства сторон. Вышеупомянутое изменение в п.2 ст.177 ГК РФ также означает, что каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре, возместить ее стоимость в деньгах (двусторонняя реституция). Также, дееспособная сторона должна и обязана возместить другой стороне понесенный ею реальный ущерб, если первая знала или должна была знать, в каком состоянии находится контрагент (не способен понимать значение своих действий или руководить ими).

8. Требование по негационным искам и искам о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить любое заинтересованное лицо. Заинтересованность истца может быть материальной и процессуальной. Лицо считается имеющим материальный интерес в деле, если оно требует защиты своего субъективного права или охраняемого законом интереса. Процессуальный интерес означает, что лицо требует защиты не своего, а чужого права или охраняемого законом интереса. Наличие или отсутствие процессуального интереса определяется специальным указанием на него в нормах закона.

9. Вопрос о ничтожности или действительности сделки не может быть предметом мирового соглашения. Это отношение сделки к нормам права является объективным и не зависит от усмотрения совершивших ее лиц. Подобное мировое соглашение не соответствовало бы закону, а согласно части 6 статьи 141 АПК РФ арбитражный суд не вправе утверждать мировое соглашение если оно противоречит закону. Суд не может принять и признание негационного иска ответчиком. Принятие судом такого признания оформляется вынесением решения об удовлетворении иска, то есть дело разрешается по существу. Следовательно, если сделка действительна, положительное судебное решение по негационному иску будет незаконным. С другой стороны, нет препятствий для принятия судом отказа от негационного иска, даже если ничтожность сделки ни у кого не вызывает сомнений. Отказ от иска означает, что истец решил не пользоваться своим правом на судебную защиту и, следовательно, спор не разрешается судом по существу. Определение суда, которым производство по делу в этом случае прекращается, ничего не подтверждает и не опровергает: в правоотношениях остается та же неопределенность, которая была и до процесса.

10. Сделки, совершенные юридическими лицами без лицензии, должны признаваться ничтожными; соответствующие изменения необходимо внести в законодательство по вопросам подлежащим лицензированию.

11. Статья 174 ГК РФ должна применяться только если ограничения полномочий установлены в договоре или учредительных документах. Наличие ограничений в каких-либо иных документах не должно рассматриваться как основание для применения данной статьи.

12. Положения статьи 177 ГК РФ следует применять к сделкам юридических лиц, от имени которых действовало лицо, не способное понимать значение своих действий или руководить ими.

13. Статья 179 ГК РФ в части сделок, заключенных под влиянием злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, должна применяться также в отношении сделок, заключаемых органами юридических лиц.

14. Для коммерческих организаций тяжелыми обстоятельствами должны являться только обстоятельства непреодолимой силы («форс-мажор»), которые во всех отношениях могут применяться в качестве «тяжелых обстоятельств» в целях признания сделок кабальными. Это правило полезно было бы закрепить в законе, дополнив пункт 1 статьи 179 ГК РФ абзацем следующего содержания: «Для

коммерческих организаций стечением тяжелых обстоятельств признается наступление обстоятельств непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ)». Что же касается остальных субъектов (в том числе граждан – предпринимателей и некоммерческих организаций), то в отношении них понятие стечения тяжелых обстоятельств должно толковаться более широко. Под ними следует понимать любые уважительные чрезвычайные обстоятельства, влекущие за собой необходимость совершения сделки на любых условиях.

15. Признание сделки недействительной необходимо четко отграничивать от судебного акта о возврате предоставленного по такой сделке имущества, поскольку первое не является решением о присуждении и не имеет исполнительной силы. Возврат имущества (реституция) осуществляется путем самостоятельного притязания (хотя, возможно, в одном процессе с требованием о признании сделки недействительной).

16. Позиция судов, трактующих реституцию владения как петиторное средство защиты, требующее судебного установления прав стороны недействительной сделки на истребуемое в ее пользу имущество, представляется совершенно правильной и должна быть отражена в руководящих разъяснениях высших судебных органов, имеющих общий характер. Понимание же реституции как посессорного средства защиты, основанного на буквальном толковании пункта 2 статьи 167 ГК РФ и допускающее возможность использования этого средства в интересах незаконного владельца, не только не соответствует смыслу гражданского законодательства, но и неприемлемо теоретически.

17. Иск о реституции точно так же, как и виндикационный, направлен на истребование имущества из чужого незаконного владения. Его особенность состоит лишь в том, что само незаконное владение всегда возникает здесь вследствие исполнения недействительной сделки. Таким образом, реституция не имеет той специфики, которая могла бы стать достаточным основанием для отграничения этой меры от виндикации. Выделяясь лишь некоторой особенностью субъективного состава (ее субъектами являются стороны недействительной сделки), реституция владения по своей правовой природе есть ни что иное, как разновидность виндикации, частичный случай ее применения. Данное понимание реституции позволяет применить к отношениям сторон недействительной сделки нормы о защите права собственности. Необходимость этого видится в том, что сами нормы о недействительности сделок не содержат механизма учета многих затрагиваемых при осуществлении реституции интересов. В них не урегулированы многие вопросы, связанные с конкретным содержанием прав и обязанностей сторон, в частности о судьбе плодов и доходов, полученных незаконным владельцем от пользования имуществом, о последствиях произведенных им в связи с этим затрат и улучшений. Эти пробелы могут быть устранены путем применения к соответствующим отношениям правил главы 20 ГК РФ о защите права собственности. Таким образом, положения о реституции не должны применяться изолированно, в отрыве от других норм ГК РФ, и в первую очередь норм о виндикации, что необходимо подтвердить законодательным путем.

18. Представляется единственно правильной судебная практика, учитывающая момент добросовестности лица, приобретшего имущество от неуправомоченного отчуждателя, и не допускающая применение реституции там, где невозможна виндикация.

19. Иск собственника к третьему лицу, получившему вещь по недействительной сделке, следует квалифицировать как виндикационный, так как истец требует возвратить имущество непосредственно ему, как собственнику, а не приводить стороны недействительной сделки в первоначальное положение.

20. Применение конфискационных санкций, предусмотренных статьей 169 ГК РФ, возможно лишь в случае, если хотя бы одна из сторон исполнила предусмотренное сделкой обязательство. Неисполненная антисоциальная сделка влечет лишь право любого заинтересованного лица требовать признания ее недействительной. При исполнении части сделки конфискации подлежит лишь то имущество, в отношении которого хотя бы одна из сторон начала исполнения, а также причитающегося в возмещение полученного.

21. Буквальное толкование статьи 169 ГК РФ дает основание для применения конфискационных санкций лишь в отношении контрагентов недействительной сделки. Однако, зачастую, возникает необходимость в применении данной санкции к третьим лицам – тем, кто, не относясь к числу контрагентов, отказывается в юридически значимой связи с ними. Данная проблема наглядно иллюстрирует значимость четкого установления последствий для столь широко сформулированного в законе основания недействительности и должна быть урегулирована законодательным путем.

Таким образом, институт недействительности сделок, заложенный в ГК, содержит значительный ряд неточных формулировок и пробелов, которые необходимо устранить на законодательном уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51–ФЗ. – СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100–ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». – СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (пункт 13.3). – СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (пункт 7). – СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (пункт 75). – СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (пункт 17). – СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (пункт 69). – СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23 сентября 2016 г. № Ф09–8643/16 по делу № А07–27906/2015. – СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление АС Центрального округа от 28.09.2016 № Ф10–3340/16
10. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 17 мая 2006 г. № КГ–А40/3581–06–1,2,3,4. – СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 октября 2016 г. № Ф09–9424/16 по делу № А50–30483/2015. – СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25 октября 2016 г. № Ф10–3040/16 по делу № А84–1295/2015. – СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 22 ноября 2016 г. № Ф02–6779/16 по делу № А19–20262/2015. –

СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление ВЦИК от 11.11.1922г. «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» – СПС «Консультант Плюс» (утратил силу).
15. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» (пункт 11). – СПС «КонсультантПлюс».
16. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений». – СПС «КонсультантПлюс».
17. Белов, А.П. Публичный порядок: законодательство, доктрина, судебная практика / А.П. Белов // Право и экономика. – М.: 1996. – №19–20. – С.553.
18. Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории) / С.Н. Братусь. – М.: Городец, 2001. – 268 с.
19. Волков, А.В. Возмещение убытков по гражданскому праву России: дис. ... канд. юр. наук / А.В. Волков – Волгоград, 2000. – 199 с. 70. Кулматов Т.Ш. Недействительные сделки по гражданскому праву и деятельность ОВД по их пресечению. дис. ...канд.юр.наук. / Т. Ш. Кулматов М., 1996. – 187 с.
20. Габов, А.В. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ/ А.В. Габов, Е.С. Ганичева, М.Е. Глазкова, В.М. Жуйков, Д.И. Ковтков, Л.Ф. Лесницкая, Н.И. Марышева, М.Л. Шелютто // «Журнал российского права». – 2017. – № 5. – С. 19–26.
21. Гетьман-Павлова, И.В. Международное частное право 2-е издание / И.В. Гетьман-Павлова. – М.: «Юрайт». – 2017. – С. 640.
22. Гримм, Д.Д. Лекции по догме римского права / Д.Д. Гримм. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 188 с.
23. Гражданское право. Том 1. Учебник. Издание шестое, переработанное и дополненное / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ООО «ТК Велби», 2012. – 784 с.
24. Демидюк, В.А., Анализ правовой природы недействительных сделок/ В.А. Демидюк // Вестник КГУ.– 2016. – № 1. – С. 203–204.
25. Желонкин, С.С. Недействительность сделок: актуальные вопросы применения отдельных норм Гражданского кодекса Российской Федерации/ С.С. Желонкин // Право и экономика. – 2010. – № 4. – С. 73 – 75.
26. Зарубин, А.В. Признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности в виде реституции как способы защиты гражданских прав/ А.В. Зарубин, С.В. Потапенко // Нотариус. – 2010. – № 2. – С. 19–22.
27. Иоффе, О.С. Советское гражданское право / О.С. Иоффе. – М.: Юридический центр, 1987. – 494 с.

28. Иоффе, О.С. Обязательственное право/ О.С. Иоффе. – М.: Юридическая литература, 1975. – 880 с.
29. Кагальницкова, Н.В., Мнимые и притворные сделки в реформированном ГК РФ / Н.В. Кагальницкова // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2017. – №2. – С. 57 – 60.
30. Матвеев, И.В. Правовая природа недействительных сделок / И.В. Матвеев.– М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2012. – С.70.
31. Михеева, И.Е. Правовая природа комиссий по кредитному договору / И.Е. Михеева // LEX RUSSICA. – 2017. – № 4.
32. Никиташина, Н.А. Правовое регулирование и защита вещных прав: учебно-методический комплекс по дисциплине: учебное пособие / Н.А. Никиташина, Е.Н. Потапенко; под ред. Н.А. Никиташиной. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2013. – 196 с.
33. Новицкий, И.Б. Сделки. Исковая давность / И.Б. Новицкий. – М.: Госюриздат, 1954 . – 247 с.
34. Парамонова, А.Е., Порочные сделки: понятие и виды /А.Е. Парамонова// Журнал Юридическая наука, 2017. – №4. – С. 122 – 124.
35. Римское частное право. Курс лекций / под ред. проф. А.Н. Никитина. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2013. – 172 с.
36. Савченко, Е.Я. Проблемы правового регулирования недействительных сделок/ Е.Я. Савченко // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – №2 (9). – С.12 –19.
37. Скловский, К.И. Сделка и ее действие: учебное пособие / К.И. Скловский. – Москва: СТАТУТ, 2015. – 176с.
38. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Собр. Соч./ В.С. Соловьев. – М.: Юрист, 2012. – 357с.
39. Толчеев, Н.Е., Разграничение оспоримых сделок /Н.Е. Толчеев // «эж-ЮРИСТ». – 2013. – № 35. – С. 12–14.
40. Тузов, Д.О. Реституция в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / Д.О. Тузов. – Томск, 1999. – 211 с.
41. Украинцева, Е.Р. Антисоциальные сделки. Актуальные проблемы правопедения / Е.Р. Украинцева. – Ярославль, 1997. – С. 143
42. Усков, О.А. Проблема приобретения имущества от неуправомоченного отчуждателя. / О.А. Усков // Хозяйство и право. – 2012. – № 6. – С. 69–72.
43. Хейфец, Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. Изд. 2-е, доп. / Ф.С. Хейфец – М.: Юрайт-М, 2015. – 162 с.
44. Чеботарева, И.А. Международное частное право (общая часть): Учебно-методический комплекс: учебное пособие. Абакан: Издат. ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2016 С. 160
45. Шестакова, Н.Д. Недействительность сделок / Н.Д. Шестакова. – СПб.: Издат. «Юридический центр», 2008. – С. 368.
46. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права. / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Фирма «СПАРК», 1995. – 556 с.

47. Щекин, Д.М. Налоговые последствия недействительных сделок. / Д.М.Щекин. – М.: МЦФЭР, 2014. – 192 с.
48. Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 № 226–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации». – СПС «КонсультантПлюс».
49. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2015 г.) (разъяснения, вопрос 1). – СПС «КонсультантПлюс».
50. Определение Московского горсуда от 20.06.2016 № 33–23465/16, определение Верховного Суда РФ от 18.04.2016 № 308–ЭС15–18008, п. 5 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2016), утв. Президиумом ВС РФ 06.07.2016. – СПС «КонсультантПлюс».
51. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2016 г. № 18–КГ16–102. – СПС «КонсультантПлюс».
52. Апелляционное определение СК по гражданским делам Красноярского краевого суда от 28 сентября 2016 г. по делу № 33–13281/2016. – СПС «КонсультантПлюс».
53. Определение Московского горсуда от 07.04.2017 № 4г–3234/17. – СПС «КонсультантПлюс».
54. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 августа 2017 г. № 305–ЭС16–20387. – СПС «КонсультантПлюс».
55. Дело № 2–4791/2008 // Архив Абаканского городского суда Республики Хакасия.
56. Решение арбитражного суда Тульской области по делу № А68-7701/2016 от 14.11.2016. – <http://sudact.ru/arbitral/doc/RSzEppfbkwYS/>
57. Решение арбитражного суда города Москвы по делу № А40-161514/14 от 31.08.2016. – http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/f348e4ee-4bea-4896-9c06-29213124fff3/403841bd-a3c7-4ec0-aa61-f193b457a01c/A40-161514-2014_20160901_Reshenija_i_postanovlenija.pdf
58. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.11.2016 по делу № А53–16480/2016. – <http://sudact.ru/arbitral/doc/xei1UIdEEx1p/>
59. Контрагент согласен заключить сделку на невыгодных условиях: насколько это рискованно? – <https://www.eg-online.ru/article/360504/>
60. Обзор судебной практики. – <http://docs.cntd.ru/document/420246076>